

ГЕРОИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ

*Первые недели
Отечественной войны*

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941

Предисловие

В этой книжке собраны корреспонденции с фронтов Отечественной войны, появившиеся в наших газетах за первые три недели. Здесь и короткие рассказы участников, торопливо записанные в перерывах между схватками на поле боя, и яркие, строгие сообщения Советского информбюро, и очерки наших писателей и журналистов с линии огня.

Но здесь, разумеется, не все, что появилось в печати за эти горячие три недели. Каждое сообщение из действующих армий и флота свидетельствует о беспримерном мужестве и героизме советских летчиков, танкистов, пехотинцев, артиллеристов, кавалеристов, моряков — всего вооруженного народа, вставшего на защиту Родины и свободы.

Русский народ во главе братских народов ведет Отечественную войну против захватчиков и поработителей — не первую войну в истории! — и не впервые выйдет из нее победителем!

В тылу у врага разгорается пламя народной партизанской войны. Полчища озверелых фашистов не будут иметь тыла! В тылу раскинулся второй неуловимый фронт советских патриотов, которые жгут запасы, разрушают дороги, взрывают мосты, уничтожают отдельные кучки фашистов, создают, как сказал товарищ Сталин, «невыносимые условия для врага и всех его пособников».

Это — страшная для них война!

В мире нет такой силы, которая могла бы противостоять великому народу, ведущему Отечественную войну.

Победитель Наполеона, великий русский полководец Кутузов, сказал: «Народ понимает войну сию наше-ствием татар и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только непредосудительным, но похвальным и священным».

Мужеству и храбрости русских солдат никогда не было предела. Нынешняя священная война с бандитами, занесшими руку на жизнь и свободу двухсотмиллионного народа, рождает неисчислимое количество героев.

Весь народ — герой!

Каждый день войны приносит этому новые доказательства. Итоги первых трех недель войны говорят об этом сурово и грозно: силами героической Красной Армии и Флота, мужеством и храбростью русских воинов уложен на полях сражений миллион фашистов, разнесены в куски три тысячи танков, вплющены в землю две тысячи триста самолетов!

Это только начало. Все танки, мнущие наши поля, будут уничтожены, все самолеты с погромным знаком на хвосте будут перебиты, все фашисты, ступившие на нашу землю, найдут себе в ней могилу.

Фашизм будет уничтожен, и самое слово это останется только в учебниках истории символом мракобесия и подлости.

Первое боевое задание

...Тяжелые машины, нагруженные бомбами, поочередно оторвались от земли и, построившись в боевой порядок, полетели на запад.

Темная ночь скрывала самолеты. Штурман звена капитан Сеницын уточнял ориентировку по звездам. Вот уже пройдено 600—700 километров. Огонь немецких зениток заставляет звено набирать высоту. Здесь советские бомбардировщики встретили звено немецких истребителей, но они, не приняв боя, отвалили назад.

— Внизу цели,— сообщил командиру звена тов. Сеницын.

По сигналу командира правый и левый самолеты, которые вели опытные летчики Молодцов и Белов, отошли от командирской машины в сторону для выполнения боевого задания. Бомбы ложились точно.

— Товарищ капитан, указанные в приказе объекты противника поражены,— доложил тов. Сеницын командиру. Модестов поднял облегченную машину вверх и увел ее в условную зону ожидания.

— Вижу два немецких истребителя,— передал через переговорную трубку стрелок-радист Звбрицкий.

— Подготовиться к отражению хвостовой атаки врага,— последовал спокойный ответ командира.

Расстояние между нашими самолетами и немецкими истребителями сокращалось. Осталось 400—350 метров. Стрелок-радист Зубрицкий нажал гашетку пулемета. Истребитель противника, объятый пламенем, начал падать вниз.

Начало светать. На землю опустился туман. Ни один ориентир не был замечен. Но капитан Модестов, приведя корабль на свой аэродром, отлично совершил посадку. На земле его с нетерпением ожидали остальные экипажи звена. К опустившемуся самолету подошел командир части. Капитан четко доложил:

— Товарищ полковник, первое боевое задание экипаж выполнил. По пути на свой аэродром подвергся нападению немецких истребителей. Один самолет врага сбил стрелок-радист старший сержант Зубрицкий.

Политрук И. Михайлов
(«Красная звезда», 24 июня, 1941)

Первые схватки

Прошло всего три дня, но сталинские соколы уже успели поработать на славу. Вражеская эскадрилья собиралась совершить внезапное нападение на аэродром, где стояли наши истребители. Внезапности не получилось. Наблюдательные посты предупредили атаку фашистских «юнкерсов». Они еще не вошли в зону аэродрома, как за их спиной появились юркие краснозвездные ястребки. Боевые соколы советской авиации в первом же боевом вылете сумели

быстро разыскать врага в ночном небе и напали на него.

Немецкие ночные налетчики не ожидали такой встречи. В растерянности они изменили курс и, развив предельную скорость, пытались удрать. Пулеметные очереди летчика-истребителя Кудрявцева поджигают немецкий моноплан. Сверкнув серебристой тушей, самолет с фашистской свастикой на крыльях рухнул вниз. Вскоре таким же путем пронесся второй «юнкерс». Истребители передают врага в распоряжение зенитчиков. Мастера высотного огня работают быстро и четко. Общий итог: прилетело 12 «юнкерсов», а улетелс во-свояси всего 4.

Звено истребителей встретило противника в воздухе. Тройка советских самолетов смело нападает на девять скоростных бомбардировщиков. Враг струсил и пытается удрать к морю. Истребитель командира обрушивается сверху на один из бомбардировщиков, и через несколько секунд фашистская машина успокаивается на дне Рижского залива. Затем командир повторяет атаку вместе со звеном. Еще один бомбардировщик вынужден «приземлиться» на море.

Наши поэты еще напишут стихи о командире орудия младшем сержанте Т. Он был участником сложной и тяжелой операции против танковых сил врага. Метким огнем орудийный расчет под командованием Т. калечил германские танки. Случилось так, что командир остался у

орудия один. Ни секунды не думая о себе, он продолжал в упор расстреливать противника.

Р. Ардаматский
(«Правда», 25 июня 1941)

Кавалеристы и пилоты

С необычайной быстротой взмыли в воздух бомбардировщики и истребители. На разных высотах со всех сторон налетели они на прорвавшегося врага. Это был удар предельной стремительности. Не только истребители, но и некоторые девятки бомбардировщиков мчались над врагом на бреющем полете, осыпая его бомбами, поливая смертоносным огнем. Самолеты налетели на вражескую пехоту и на танки одновременно.

Результаты были весьма удачными. Ряд танков был немедленно уничтожен. Огромные потери понесла пехота. В рядах врага началось смятение,— он был ошеломлен налетом.

Воспользовавшись моментом, советские кавалеристы ринулись на врага. Трудно описать воодушевление и бесстрашие, с которыми красные конники бросились в бой. С шашками наголо врезались они в ряды противника, рубили его и гнали к мосту. Враг пытался сопротивляться и удержаться на мосту, но вскоре переправа была усеяна изрубленными солдатами. А конная лава, уничтожая все на своем пути, гнала и гнала врага, вытеснила его с моста и, не останавливаясь, двигалась с боем до Фальчу. Сила воодушевления и уверенность конников были так велики, что с возгласами «Ура! Вперед за Родину, за Сталина!» они ворвались на улицы Фальчу и вскоре заняли его, изгнав оттуда вражеские части. И только захватив Фальчу,

остановились советские кавалеристы, с трудом сдерживая желание идти дальше и дальше.

Когда стихло все, когда были подведены итоги боя, кавалеристы отправили телеграмму, в которой написали:

«Просим немедленно передать нашу благодарность летчикам, которые подготовили нам атаку».

Телеграмма была тотчас доставлена по назначению, и летчики с волнением прочитали привет от своих друзей — советских кавалеристов.

Лейтенанту Морозову достались три «мессершмитта». Он на своей «чайке» делал чудеса, используя до конца маневренные свойства машины. Ни на одну секунду не прекращал своей головокружительной работы Морозов. Три опасных хищника дрались против него, и в схватке нельзя было разобрать, кто на кого нападает, кто кого атакует, кто от кого уходит. Своей цели Морозов добился. С каждой эволюцией, с каждым маневром он отвлекал врагов в сторону и увел, наконец, три «мессершмитта» за много десятков километров от места встречи. Полтора часа продолжалась эта дуэль одной «чайки» с тремя «мессершмиттами», одного советского храбреца с тремя немецкими летчиками. И только совершенно невероятной выдержкой, выносливостью, самообладанием, беспредельной любовью к родине можно объяснить настойчивость, с которой Морозов закончил бой. Он был окровавлен, — вражеская пуля ранила его, он уже терял силы, у него кончились патроны, но он все же ушел от врага, обманув его, и благополучно совершил посадку.

Э. Влеченский, С. Галышев
(«Известия», 25 июня 1941)

Во славу великой Родины

Командир танка старший сержант Сивановский приказал двигаться лощиной. Механик-водитель сержант Марченко зорко смотрит вперед. Пыль и дым от взрывов снарядов, бомб ограничивают видимость.

Только успел наш танк взять направление по заданному боевому курсу, как впереди появился противник. Вот в стороне разорвался снаряд. Видно, что фашист трусил: не успел разглядеть цель, а уже открыл огонь. Выстрелы следуют один за другим, но мы, как и вначале, уверенно двигаемся вперед.

Сержант Марченко понял слабость врага, и, чтобы быть неуязвимым, он вел танк не по прямой, а по зигзагообразной ломаной линии, чтобы избежать обстрела.

Сивановский произвел первый выстрел. Снаряд попал в малую башню. Вражеский пулемет внезапно замолк, и танк круто изменил направление. Отстреливаясь, враг тщетно пытался уйти из-под меткого, губительного огня советских танкистов. Сержант Марченко набрал максимальную скорость и настиг трусливого фашиста.

Раздался выстрел. Огонь был меток, но враг еще больше усилил темпы стрельбы.

— У нас сбит сигнал, оторвано крыло правого борта,— докладывает водитель.

Командир танка спокоен. Он быстро поворачивает поворотный механизм, ставит новый прицел и нажимает на спуск.

— Вот тебе наш гостинец!

Едва успели справиться с одной задачей, как раздался выстрел противотанкового орудия.

Обнаружив по клубку сизого дыма притаив

шегося врага, я открыл по нему огонь из пулемета. Первая же очередь легла в цель. В этот момент вражеский снаряд задел нашу башню. Осколок попал мне в руку. Еще сильнее прижавшись к плечевому упору пулемета, я дал длинную очередь. Но враг уже не стрелял. Его уничтожил тов. Сивановский.

Об этом боевом эпизоде пишет в фронтовой газете «Красная Армия» сержант А. Мельников.

Мужественные воины Красной Армии громят зарвавшихся фашистов, совершают беспрецедентные подвиги во славу великой Родины.

(«Комсомольская правда», 26 июня 1941)

Младший сержант Трофимов — командир орудия — в обстановке, когда орудие находилось в окружении противника, а боевой расчет орудия был выведен из строя, увел в укрытие трех раненых бойцов своего орудия, а затем сам хладнокровно расстреливал противника прямой наводкой. Когда сопротивление стало бесполезным (танки противника были почти на огневой позиции), Трофимов взорвал орудие, а сам умело вышел из окружения врагов.

(От Советского информбюро)

Связист на посту

На Львовской дороге в первые же дни войны отличился электромеханик одной из дистанций связи комсомолец тов. Старшинов. Узнав, что на участке дороги, находящемся в прифронтовой полосе, внезапно испортилась связь, тов. Старшинов выехал к месту повреждения на парово-

зе. Когда же выяснилось, что линия порвана там, куда паровоз не может подойти и что это место обстреливается противником, комсомолец-электромеханик, взяв с собой сумку с инструментами, отправился пешком. Он шел от столба к столбу, восстанавливая связь. Чтобы исправить повреждения, ему пришлось пройти под огнем врага 15 пролетов. Связь была восстановлена.

(«Правда», 26 июня 1941)

Пятеро против тринадцати

С передовых позиций сообщили о перелете фронта тринадцатью немецкими бомбардировщиками. В одном из подразделений полка, которым командует Герой Советского Союза майор Коробков, была объявлена тревога.

Противник долго не появлялся. Он действовал хитро и осторожно. Враг пришел не с запада, не со стороны фронта, а с противоположной стороны. Но ему не удалось обмануть бдительность наших летчиков. Его подстерегли. Пять советских истребителей смело атаковали противника. Неприятельские бомбардировщики поспешили наутек и, не достигнув города, разбросали бомбы куда попало.

Пятерка советских летчиков неотступно продолжала следовать за тринадцатью немецкими самолетами. Вскоре с земли увидели, как ярким факелом вспыхнул один из своры фашистских налетчиков и рухнул вниз. Советские истребители вернулись без потерь.

К вечеру враг решил повторить налет. На этот раз он резко изменил свою тактику. То он летал на больших высотах, а тут вдруг вынырнул

прямо из-за леска. Машины шли на бреющем полете в 200—300 метрах от земли.

Вот они стали уже заходить на бомбежку. Но тут на них опять набросились советские истребители. Бомбежка снова не удалась.

Схватка трех истребителей с двумя вражескими бомбардировщиками была жаркой, но непродолжительной. Через несколько минут один из налетчиков, воспользовавшись темнотой, поспешил скрыться, а другой был посажен на землю, и экипаж его взят в плен.

Б. Кузьмин

(«Правда», 27 июня 1941)

Герой Отечественной войны

Это было около четырех часов утра. Бомбардировщики с бреющего полета сбросили бомбы. В воздух поднялись густые столбы пламени и дыма. Ни одна из бомб не попала ни в сооружения, ни в самолеты.

Тотчас же в небо взмыли три наших истребителя. Они погнались за налетчиками. Одному удалось бежать. Зато другой был настигнут старшим лейтенантом Обориным. Он занял наиболее выгодное положение и нажал гашетку. Короткая очередь — и пулеметы смолкли. Что-то заело в механизмах. Летчик кусал губы от злости и досады. Догнать врага, взять его на мушку — и упустить? Никогда! И Оборин мгновенно принял смелое решение. Без оружия, с молчащими пулеметами кинулся он на тяжелую, хорошо вооруженную машину. Его поливали пулеметным огнем, но он не остановился. Подойдя вплотную к бомбардировщику, он скользнул у его плоскости и рубанул ее винтом. Страшный удар потряс

Оборина. Не глядя на врага, отвалил он в сторону, готовясь к прыжку с парашютом, если истребитель разбит. Но машина была в порядке. Надежный истребитель выдержал столкновение, вынес огромную нагрузку и с честью вышел из этого исключительного испытания. А бомбардировщик? Упало разрубленное крыло, и он низвергся к земле, зеленевшей густым ковром садов.

Оборин благополучно вернулся к своим. Когда он сел, к машине его сбежались товарищи. В фюзеляже дыры, винт изрублен, испорчен. Несколько часов работы — и заделаны дыры, сменен винт.

Э. Виленский, С. Галышев
(«Правда», 27 июня 1941)

Смертью храбрых

Тройка самолетов под командованием старшего лейтенанта Иванова взлетела, чтобы нагнать и уничтожить фашистских летчиков, собиравшихся бомбить один из наших городов.

Бой был ожесточенный. Один бомбардировщик врага, подбитый меткой советской пулей, загорелся в воздухе. Другой начал сбрасывать бомбы на открытое поле. Советские летчики, продолжая преследование, расстреливали его до тех пор, пока и он не был уничтожен.

Горючее было на исходе. В пулеметных лентах — ни одного патрона. Старший лейтенант Иванов вел свою тройку на аэродром. Первые два самолета благополучно приземлились. Продолжая попрежнему внимательно следить за воздухом, тов. Иванов стал разворачиваться на

посадку. Вдруг вдали показался еще один вражеский бомбардировщик. Он летел прямо к аэродрому. Иванов тотчас же взмыл вверх.

Горячее на исходе и стрелять уже нечем. Но фашистский бандит должен быть уничтожен. Иванов ринулся на противника и всей тяжестью своего самолета врезался в него. Охваченный огнем фашистский бомбардировщик разлетелся в куски. Славный советский летчик, верный сын нашей великой Родины, старший лейтенант Иванов погиб смертью храбрых, защищая родную землю, но вечно будет жить его имя, никогда не сотрется память о его геройском поступке.

М. Рузов

(«Известия», 27 июня 1941)

Поимка диверсанта

Ночью путевая обходчица тов. Петренко совершала обход своего участка. Недалеко от железнодорожного переезда она заметила неизвестного. Станный наряд незнакомца вызвал у Петренко подозрение.

Жалкие лохмотья заменяли неизвестному костюм. Сходство с нищим дополняли костыли, на которые незнакомец опирался всей тяжестью тела. Лишь новые хорошие ботинки резко выделялись в нищенском наряде этого человека.

Когда тов. Петренко приблизилась к неизвестному, стоявшему к ней спиной, к переезду подъехала автомашина. Сделав ей знак остановиться, путевая обходчица указала сидящим в автомобиле командирам Красной Армии на подозрительного человека.

Выскочив из машины и подбежав к неизвестному, командир как бы невзначай толкнул ко-

стыль. Очутившись без опоры, неизвестный стал «на больную» ногу.

Незнакомец был немедленно задержан. При проверке выяснилось, что это — диверсант, посланный в нашу сторону фашистской разведкой.

(«Правда», 28 июня 1941)

Разведчик Беляков

Артиллерийская канонада сотрясала воздух. Немцы то и дело переправляли десантные группы на наш берег, но меткий ружейный и пулеметный огонь приостановил наступление противника. Он вынужден был залечь на опушке роши. Внезапно огонь стих.

«Они что-то готовят», — подумал командир подразделения.

Он вызвал сержанта Белякова и поставил перед ним задачу — с двумя разведчиками пробраться к опушке роши и установить, где находятся огневые точки противника.

Беляков разъяснил задачу бойцам, потребовал от них тщательной маскировки, внимательно проверил снаряжение и, убедившись, что все в порядке, приказал выступать.

Маскируясь в складках местности и кустах, разведчики осторожно крались в направлении притаившегося врага.

Чтобы отвлечь внимание противника от разведки, бойцы подразделения открыли огонь. Несколько минут фашисты молчали, но затем открыли ответный огонь, ружейный и пулеметный.

Разведчики в это время уже добрались до опушки роши и, замаскировавшись за деревом, стали наблюдать.

Метрах в десяти от сержанта Белякова враги с пулеметом сидели в воронке от снаряда и стреляли по нашим бойцам.

Установив расположение огневой точки противника, разведчики начали отходить к своим. Не успели они проползти и двадцати метров, как над их головами полетели пули. Враг обнаружил разведчиков, устроил засаду, и двое из них героически погибли в ожесточенной перестрелке с фашистскими разбойниками.

Сержант Беляков остался один. Он отполз в сторону, укрылся за небольшим бугорком и продолжал вести огонь. Враг все теснее сжимал кольцо, пытаясь захватить разведчика.

Вот от меткого выстрела сержанта пал приблизившийся враг, за ним другой...

— Сдавайся!— кричали фашисты разведчику на ломаном русском языке.

— Чорта возьмешь!— ответил сержант и, размахнувшись, метнул две гранаты. Когда умолк грохот разрывов, Беляков услышал крики и стоны вражеских солдат.

Воспользовавшись короткой передышкой, Беляков бросил еще одну гранату, скатился с бугра вниз и начал пробираться к своим.

Путь ему преградили три немца. Выстрелив одного, сержант ловко ударил второго прикладом, третьего же, намеревавшегося выстрелить, приколол штыком.

Быстро, то ползком, то перебегая и скрываясь за кустами, под огнем врага пробравшись Беляков к своему подразделению.

— Товарищ лейтенант, задание выполнено!— доложил он.

— Благодарю, товарищ сержант! Вы сделали свое дело блестяще.— И лейтенант крепко пожал Белякову руку.

Добытые сведения о расположении огневой точки врага помогли подразделению отбить десантную группу фашистских разбойников.

(«Известия», 28 июня 1941)

Вражеские наблюдатели уничтожены

Заместитель политрука тов. Нагибан и сержант тов. Финогенов ушли в разведку к передовой линии врага. Храбрецы, маскируясь в кустарнике, продвигались к опушке леса. Там были вражеские позиции. Над головами разведчиков поминутно с монотонным визгом пролетали снаряды.

Вот и опушка леса. Прямо перед разведчиками возвышался холм, а за холмом виднелись многочисленные батареи врага.

— Удобное место для наблюдений, — тихо сказал Финогенов, указывая на возвышенность. — Нет ли здесь фашистов?

Нагибан молча кивнул головой. Оба разведчика начали ползком пробираться к холму.

На горке ничего особенного не оказалось. Две каменные глыбы покоились там близко одна от другой.

Разведчики подползли ближе к камням. Нагибан и Финогенов обнаружили между камнями искусно замаскированный командный пункт врага. Пять фашистских офицеров, наблюдая с возвышенности за нашей территорией, руководили огнем своей артиллерии при помощи телефона и радиостанции.

Разом грянули два выстрела. Два фашиста неуклюже взмахнув руками, грохнулись на землю. По опушке леса резанул вражеский пулемет

Фашисты недоумевали, они никак не могли ожидать нападения.

Снова грянули выстрелы. Снайперские пули сразили еще двух немецких офицеров. На командном пункте остался теперь один фашист. Он отчаянно кричал что-то в телефон, а затем, схватив несколько гранат, беспорядочно стал бросать их к склону возвышенности.

Хладнокровно подполз Нагибан вплотную к камням, спокойно прицелился и выстрелил.

Опрокинулся наземь последний фашист. Вражеский командный пункт был ликвидирован.

З. Владимиров

(«Комсомольская правда», 29 июня 1941)

Как были потоплены фашистские подводные лодки

Корабль выполнял боевую задачу. Погода была тихая, солнечная. Сигнальщики зорко наблюдали за водной поверхностью и воздухом.

— Справа торпеда!— в один голос доложили сигнальщики Глущенко и Васильев.

Все находившиеся на мостике увидели быстро приближающийся к кораблю след торпеды.

— Справа подводная лодка!— крикнул наблюдатель Мартыненко.

— Право на борт!— приказал командир корабля.

Корабль резко повернул. Торпеда пронеслась почти вплотную у левого борта. Фашистская подводная лодка после залпа подскочила, обнаружив этим себя еще больше, и сразу пошла на погружение. На месте погружения образовался большой бурн.

Орудийные расчеты Ланцова и Верещака немедленно открыли огонь. Вот бурун уже у самого форштевня.

Через мгновение корабль был над местом, где только что находилась подводная лодка врага. Она успела уйти от тарана. Однако все находившиеся в машинных отделениях отчетливо слышали, как килевая часть корабля прошла по чему-то твердому. Одновременно с этим срезался лаг. Подводная лодка была здесь. Она еще не успела уйти на большую глубину.

— Начать бомбометание! — приказал командир.

Одна за другой полетели за борт глубинные бомбы. Они рвали и коверкали все, что находится под водой.

Корабль прошел вперед, снова развернулся, чтобы вторично пройти в том месте, где скрылась подводная лодка. И в этот самый момент невдалеке от правого борта раздался оглушительный взрыв. Параван своим корпусом ударился в мину, поставленную здесь коварным врагом. Черный дым и огромные столбы воды взметнулись в воздух.

Все находившиеся на корме корабля упали, сбитые силой воздуха. Старшину второй статьи Аникина отбросило к борту, и он едва удержался за кнехт. Командир боевой части, оглушенный наиболее сильно, упал на кормовые скаты. Еще миг — и он был бы в море. Но в этот момент, рискуя своей жизнью, к нему кинулся краснофлотец Мандриченко. Он подхватил командира под руки и вытащил его на палубу.

В момент взрыва мины работа некоторых механизмов в машинном и котельном отделениях нарушилась, стрелки приборов бешено запрыгали по циферблатам. Вахту здесь в это время несли

командиры отделений Александров, Мечинский и Майоров с подчиненными им бойцами. Они быстро отрегулировали механизм и приборы. Корабль ни на секунду не потерял хода. Он не имел никаких повреждений от вражеской мины.

Когда снова подошли к месту бомбометания, советские моряки увидели следы гибели фашистской подводной лодки.

Н. Полин

(«Правда», 29 июня 1941)

Ночью на катере получили приказание немедленно выйти в район Н. к обнаруженной подводной лодке врага. Сразу же снялись с якоря и пошли к месту назначения. Вскоре сигнальщик Куимов доложил:

— Слева — перископ!

В лодке, находившейся от катера всего в двух кабельтовых, и не подозревали, что советские моряки находятся так близко.

— Лево на борт! — приказал командир катера. — Полный вперед!

Привычным движением рулевой старшина I статьи Гетманский выполнил приказание. Турбинист Петров и котельный машинист Негин сразу же обеспечили необходимое количество оборотов двигателя.

Фашистские подводные пираты ошалело кинулись на погружение.

Катер приблизился к месту, где погрузилась лодка.

— Начать бомбометание!

На посту сбрасывания глубинных бомб стояли краснофлотцы Косарев и Гриценко. Одна за другой полетели бомбы за борт. В этот момент радист Соколов, настраивавшийся на радиостан-

цию штаба соединения, вдруг услышал рацию подводной лодки. Она нервно дала позывные открытым текстом на немецком языке.

Так прошло с минутой. За борт полетело еще несколько глубинных бомб. Взрыв одной из них был необычным. Образовалась эллипсоидная громадная бурлящая воронка. Рация подводной лодки сразу замолчала, словно захлебнулась.

Фашистская подводная лодка нашла свою могилу.

(«Правда», 29 июня 1941)

Летчик-орденоносец капитан Гейбо, выручая товарища, вступил в бой с двумя фашистскими самолетами, прикрыл выход товарища из боя и заставил противника отступить. Во главе небольшой группы истребителей он атаковал 18 немецких бомбардировщиков и обратил их в бегство.

Красноармеец Герасимович обнаружил большую группу немецких солдат, пытающуюся перейти через реку Прут. Он вступил в неравный бой и, искусно меняя огневую позицию, отогнал противника. 15 солдат были уничтожены метким огнем отважного красноармейца.

Машина шофера Скидина, подвозившего к фронту снаряды, была обстреляна немецким самолетом. Прицеп со снарядами загорелся и угрожал взрывом. Красноармеец Скидин, рискуя жизнью, ликвидировал огонь и доставил ценный груз по назначению.

(От Советского информбюро)

Их было девять

Коварный враг избегал прямых встреч. По-воровски, скрываясь за облаками, залетал он на нашу территорию и поспешно удирали при встречах с советскими истребителями.

Так было и теперь. По боевой тревоге оглушительно заревели моторы. Еще миг — и красноразвездные ястребки один за другим взмылись вверх.

Вдали показались едва заметные точки. Они приближались, и уже отчетливо были видны немецкие «юнкерсы», сопровождаемые истребителями «мессершмитт». Их было 17. Стремительно неслись им навстречу сталинские соколы. Вот-вот столкнутся. Но фашисты дрогнули, их самолеты рассыпались в стороны и повернули назад. Совершая фигуры высшего пилотажа, наши пилоты принимали наиболее выгодные позиции для атаки. Виразируя, Павел Романов зашел в хвост «мессершмитту». Четкой дробью строчил пулемет. Не выдержав стремительной атаки, противник вошел в пике, затем снова стал набирать высоту. Обильная струя пулеметных очередей понеслась ему вслед. Потеряв управление, вражеский самолет стал стремительно падать вниз.

Павел Романов заметил, что с левой стороны показались 7 самолетов противника. Они шли сомкнутым строем. Один из них отделился и пошел в правый вираж.

«Атаковать!» — пронеслось в мозгу летчика. Зайдя снизу, он выпустил по врагу длинную очередь из крупнокалиберного пулемета. Самолет воспламенился в воздухе и начал падать. Остальные вражеские машины резко повернули вправо и скрылись на горизонте, преследуемые отважными красными летчиками.

Краснозвездные истребители возвращались после боя на свой аэродром. На земле в клубах дыма догорали фашистские самолеты. Их было 9.

(«Комсомольская правда», 29 июня 1941)

Эпизод после боя

Когда один участок был очищен от противника, к нашим машинам подошел высокий человек в красноармейской шинели, но со знаками различия майора.

— Где ваша часть?— сурово спросил он бойцов.

— Вон там,— не задумываясь, ответил красноармеец.— Садитесь, отвезу.

Незнакомец смело двинулся к танку, чтобы влезть в люк, но красноармейцы, которым этот «майор» показался подозрительным, туда его не пустили. Красноармейцы посадили его сверху. И вот, как только «майор» очутился на танке, машина на четвертой скорости полетела в штаб. Человек в шинели, хорошо говоривший по-русски, оказался немецким диверсантом. Противник послал его в наш тыл, чтобы разрушить связь. Бдительность красноармейцев помогла разоблачить подлого врага.

(«Комсомольская правда», 29 июня 1941)

Курсанты в бою

— После 10-километрового броска,— рассказывает курсант полковой школы комсомолец И. Литовец,— мы встретились с немецкими частями, залегли в рожь и поползли вперед. Метров за 300 немцы открыли очень сильный огонь из автоматов и пулеметов. По нас стреляли также

с деревьев, там сидели солдаты и офицеры. Лютая ненависть к врагу двигала нас вперед. Смерти никто не боялся. Прекрасно работали наши станковые пулеметчики. На одном участке целая туча немцев вдруг поднялась и пыталась пойти в атаку, но атаки у них не получилось: ураганный огонь наших станковых пулеметов быстро выкосил большую часть поднявшихся, а остальных придавил к земле. Теперь мы пошли в атаку, и тут-то фашисты, несмотря на численный перевес, сразу дрогнули. Наш взвод бросился на ров, в котором окопалось до шестидесяти гитлеровцев. Одно наше отделение не прекращало огня, а остальные с фланга налетели на окопавшихся. Из 60 солдат и офицеров только один осмелился поднять свой плоский штык, но сейчас же его опустил. Остальные бросили оружие и закричали по-немецки:

— Не стреляй, мы сдаемся!— Из-под черных глянцевоитых касок смотрели растерянные звериные лица, трясущимися руками срывали они с себя снаряжение, мешочки с сухарями.

— Посмотрите, что у них в фляжках,— сказал командир.

Мы открыли одну фляжку, из нее полился ром... Алкоголь находится на вооружении гитлеровской армии, как и во всякой разбойничьей банде.

...В нескольких местах немцы пытались удрать. Наши курсанты настигали их и добивали беспощадно. Там, где действовала полковая школа, мы собрали более 50 брошенных немцами велосипедов, много автоматического оружия, минометов и одну пушку. Пленных под конвоем отправили в тыл.

Д. Новоплянский

(«Комсомольская правда», 29 июня 1941)

Колхозники взяли в плен летчиков

Колхозники одного из приморских колхозов заметили гидросамолет, опускавшийся в море в трех километрах от берега. Заподозрив недоброе, шесть колхозников во главе с председателем сельсовета тов. Антоненко немедленно направились на рыболовном судне к месту посадки. Когда они стали приближаться, самолет оказался уже потопленным, а его экипаж, состоявший из пяти человек, пытался уйти в резиновой лодке в море.

Колхозники пошли наперерез беглецам, подавая им знаки о сдаче. Летчики пробовали отстреливаться, но безуспешно. Рыбачье судно, не отвечая на выстрелы, настойчиво преследовало лодку, прижимая ее к берегу.

Неизвестные вынуждены были сдаться. Они оказались немецкими офицерами-летчиками подбитого нашей авиацией самолета. Кроме оружия, в лодке была обнаружена радиостанция.

Под охраной колхозников разоруженные враги были отправлены в ближайший город и сданы военным властям.

(«Правда», 30 июня 1941)

На танковый экипаж старшего сержанта Спиченкова напали пять фашистских танков. Сержант Спиченков не растерялся. Хладнокровно начал он в упор расстреливать танки противника. Один за другим вышли из строя четыре фашистских танка. Спиченков навел орудие и на пятый танк, но вражеская пуля тяжело ранила этого бесстрашного командира. Его место занял младший политрук Огир. Он в лоб расстрелял и пятый фашистский танк.

(От Советского информбюро)

Подвиги танкистов

Утром к командиру батальона капитану коммунисту Мазаеву явились старший лейтенант Ковбасюк и заместитель политрука Иванов.

— В бой хотим идти коммунистами,— сказали они,— просим рекомендации для вступления в партию.

Командир батальона хорошо знал старшего лейтенанта и заместителя политрука. Первый — высококвалифицированный, культурный командир, второй — смелый боец, молодой, растущий политработник.

— Хорошо, я дам вам рекомендации и уверен, что вы оправдаете высокое звание коммунистов.

В эту минуту прозвучала тревога. Батальон шел в бой.

— По местам!— приказал капитан.— Рекомендации напишу после боя.

Противник намеревался прорвать нашу линию обороны. Батальон должен был нанести врагу внезапный удар и разгромить его.

Старший лейтенант Ковбасюк отправился в разведку. Обойдя противника, он вклинился в тыл к фашистам и неожиданно для врага обрушился на штаб. Нападение было настолько внезапным (штаб расположился на отдых), что офицеры выскочили во двор в нижнем белье. Фашисты начали беспорядочную пальбу, но было уже поздно: Ковбасюк и его бойцы уничтожили штаб, захватили карты, бумаги, портфели с документами.

Получив ценные сведения, батальон Мазаева ринулся на врага. Фашисты открыли яростный огонь из орудий и пулеметов. Советские танки продолжали атаку.

Машина капитана Мазаева вырвалась вперед, огнем и стальной массой сокрушая бандитов. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в башню, второй — в ходовую часть. Третий снаряд вывел из действия пушку и пулемет. Башенный стрелок убит. Капитан ранен в ноги и живот. Противнику удалось остановить грозную машину.

Капитан Мазаев приказал механику-водителю Звереву выйти из танка, сообщить своим о со-здавшемся положении, если возможно, привести помощь. Зверев отправился выполнять приказание.

Танк замер. Фашисты, полагая, что весь экипаж выведен из строя, решили забрать свое подбитое орудие и тягач, находившийся в нескольких метрах от танка. Но когда враги попытались это сделать, в них полетели гранаты.

Истекая кровью, капитан продолжал героическое единоборство. Правда, оружия немного: связка гранат и пистолет. Экономить каждый патрон! Мазаев решил сражаться до конца. Фашисты начали стрелять по танку в упор из орудий и пулеметов.

Напрягая последние силы, капитан отгонял бандитов от танка. Более часа длилась неравная схватка. В последнюю минуту, почти лишаясь сознания от потери крови, Мазаев услышал рокот машины. На помощь на полном ходу мчался советский танк.

Кто-то открыл люк, помахал рукой. Собрав остаток сил, капитан, опираясь здоровыми руками на поверхность корпуса, вылез из танка, но тут же упал на землю. Из прибывшего танка выскочил заместитель политрука Иванов и быстро перенес своего командира в машину.

Очнулся капитан Мазаев среди своих. Пожав руку заместителю политрука, капитан сказал:

— Вот сейчас передохну и напишу рекомендации — и вам и Ковбасюку.

Красноармеец Буртаков
(«Правда», 1 июля 1941)

Командир подразделения пикирующих бомбардировщиков капитан Воронин обнаружил расположившуюся у опушки леса танковую колонну противника. Самолеты развернулись для нападения. Но в этот момент из-за облаков вынырнула группа германских истребителей «мессершмиттов». Советские летчики вступили в одновременный бой с наземным и воздушным противником. Нанося удары немецким истребителям, бомбардировщики переходили в пикирование и засыпали бомбами вражеские танки. Танковая колонна противника была рассеяна. На поле сражения остались десятки изуродованных немецких машин. Недобитые танки преследовались скоростными бомбардировщиками. Советская авиация не потеряла ни одной машины.

(От Советского информбюро)

Мужество и отвага

Максим Зюкин, младший лейтенант, получил задание повернуть со своим подразделением обратно. Обратно? Да. В тыл наших войск высадился десант.

Приказ был краток:

— Подразделению поручено ликвидировать этот десант.

Это надо было сделать быстро, пока фашисты не успели совершить в тылу диверсионные акты и обстрелять идущие по шоссе колонны.

Кто знает, где опустились и куда уже успели проникнуть фашистские парашютисты. Обыскали лощину, рощу, придорожную канаву — никого не оказалось. Тогда М. Зюкин решил оцепить ближайшую деревушку. Подразделение двигалось осторожно, напрягая зрение и слух. Бойцы не верили кочкам, пням, шороху, шелесту деревьев. Недалеко М. Зюкин увидел: на шоссе у танкетки жались группа людей в красноармейской форме. Те тоже заметили приближающееся к ним подразделение. Один из них, высокий, плечистый человек, помахал рукой:

— Эй, идите сюда!

— Кто такие?

— Советские... Разве не видите?..

«Свси», — подумал младший лейтенант и подошел ближе. Приближаясь, он заметил в поле, среди колосьев, каких-то притаившихся там военных. Лишь только подразделение с ними поравнялось, М. Зюкин услышал команду на немецком языке. Младший лейтенант понял коварную уловку врага. Он не растерялся и приказал:

— К бою!

Бойцы открыли огонь по замаскировавшимся фашистам. Вражеская танкетка двинулась на дом с мезонином, за которым укрылись бойцы. М. Зюкин послал красноармейца доложить об этом командиру орудия, который находился в 500 метрах отсюда. Через несколько минут орудие открыло по танкетке огонь. Исковерканная машина остановилась.

Но и тогда германские парашютисты не унялись. Они укрепились в мельнице, обстреливая оттуда подразделение Зюкина.

— Мельницу надо разрушить!

Посланный снова ринулся к командиру орудия. Прошла минута, другая, пятая, орудие молчало. А огонь фашистов становился все яростней и яростней. Значит, красноармеец не дополз до орудия — он ранен или убит.

Младший лейтенант М. Зюкин передал командование подоспевшему капитану и, пригибаясь к земле, помчался к командиру орудия. Зюкина заметили. Над его головой свистели пули. Он пригаился, затем побежал дальше. Показав командиру орудия месторасположение вражеского укрытия, младший лейтенант вернулся обратно. Он не успел добежать до подразделения, как мельница была снесена меткими выстрелами.

Показания раненого парашютиста, которого отыскиали в амбаре, помогли установить, что лишь он один уцелел из пятнадцати фашистов, посмевавшихся опуститься на нашу землю. Весь десант был уничтожен.

Операция длилась один час.

Я. Цветов

(«Правда», 1 июля 1941)

Меткой гранатой, снайперской пулей

N-ская часть геройски дралась в окружении противника. На фланге одного из батальонов фашисты высадили группу парашютистов. Посадка парашютистов создавала серьезную угрозу патронному пункту. Вызвав к себе лейтенанта Бицуру, командир батальона приказал ему взять с собой двух бойцов и немедленно отправиться на защиту пункта.

Лейтенант Бицура с бойцами Булатовым и Киселевым замаскированно направились к месту

назначения. Патронный пункт помещался во рву, под холмом. Верхушка холма, покрытая густой рожью, была прекрасным наблюдательным пунктом.

Лейтенант еще издали заметил, что ездовой Муратов, который охранял патроны, пристально наблюдает за какой-то точкой. Как только тов. Бицура с бойцами подошел ближе, Муратов, указав им на воронку от немецкой бомбы, предупредил, что, по его наблюдениям, там блестят оружие и каски.

Лейтенант приказал меткому гранатометчику Булатову выдвинуться вперед и забросать воронку гранатами, сам же с Киселевым приготовился к поражению противника, если тот попытается удрать.

Муратов остался охранять патронный пункт. Булатов пополз, затем, скатившись, метнул одну за другой две гранаты, которые точно легли в цель.

Еще не утих гул от разрыва гранат, как по нашим бойцам был открыт огонь с другой стороны. Бицура обнаружил справа двух фашистов. Снайпер Киселев уложил их из своего автомата.

Когда лейтенант и бойцы подошли к воронке, они обнаружили в ней трупы шестерых врагов, пораженных гранатами Булатова.

М. Рузов

(«Известия», 1 июля 1941)

Уничтожен морской десант противника

В Финском заливе много островов и островков. Два острова отделены один от другого узким проливом. На одном — наши войска, на другом — враг.

Зорко несут боевую службу наши бойцы и краснофлотцы. Давно уже они подозревали, что враг что-то затевает. Два дня назад в нашем расположении был пойман матерый диверсант-разведчик, одетый в красноармейскую форму. Он шел с двумя пистолетами, советскими деньгами и документами, с запасами ядов и динамита. Диверсант, оказавшийся бывшим царским офицером, был задержан краснофлотцем Корниенко, стоявшим в дозоре. В другой раз краснофлотец Степанов уничтожил пулеметным огнем целую группу вражеских разведчиков.

Двадцать восьмого июня вечером с вражеского острова внезапно раздались артиллерийские выстрелы. Снаряды ложились в воду, не долетая до нашего острова. Готовые ко всему, краснофлотцы заняли свои боевые посты, но на огонь не отвечали.

Ночь прошла спокойно. Стояла удивительная тишина. Синим блеском отливали воды залива. Но бойцы не верили тишине. Они зорко всматривались в синюю даль, замаскировавшись в прибрежном кустарнике, и тщательно наблюдали за территорией врага. От их взоров не ускользнула концентрация сил на острове противника.

Утром 29 июня снова заговорили вражеская артиллерия и минометы. Над заливом поползла дымовая завеса. Враг готовил наступление. Наша артиллерия ответила на огонь. В дымовой завесе показались шлюпки. Послышался легкий плеск. Краснофлотец Шикун, первым заметивший врага, доложил:

— Прямо на шлюпках группа противника.

Пулеметчик Куленчук обратился к командиру отделения младшему сержанту Громову:

— Разрешите открыть огонь?

— Без приказа не стрелять!

Враг приближался. Расстояние уменьшалось с каждой минутой. Отчетливо было видно, как суетились вражеские пулеметчики, изготавливавшиеся для открытия огня, как офицер размахивал револьвером.

И когда противник приблизился на 100—150 метров, сокрушительный шквал огня обрушился на него. Только с одной шлюпки успел несколько раз рывкнуть вражеский пулемет. Большинство врагов тут же нашло себе могилу. Лишь немногим удалось высадиться на остров. Здесь их встретили уничтожающим ударом. Бойцы бились врукопашную. Исключительное мужество проявил тов. Еремин. Он обезоружил трех белобандитов. Получив ранение, Еремин не покинул боя, огнем и штыком сокрушая подлого врага.

Младший сержант Решетников, вторично участвующий в боях с финской белогвардейщиной, из своей снайперской винтовки уничтожил одного диверсанта за другим. Каждый его выстрел был меток.

Ни один из пробравшихся на остров врагов не ушел от красных воинов.

Так был разгромлен вражеский десант. Диверсия немецко-финских фашистов сорвалась.

Старший лейтенант П. Самсонов

Младший политрук А. Ежов

(«Правда», 1 июля 1941)

Сила и точность сталинской артиллерии

Открыв сильный артиллерийский огонь, немцы начали строить переправу через реку Н. В рощах, низинах, что были видны с нашего берега они сгруппировали для удара большие силы.

Мешала только река. Батарея старшего лейтенанта Пундика получила боевой приказ: уничтожить противника. Залп. Второй, третий. Ответило только одно фашистское орудие. Еще два оглушительных залпа — и на том берегу воцарилась мертвая тишина.

После подавления огневых точек батарея Пундика перенесла огонь на понтоны. Несколько метких залпов — и танк, и переправлявшиеся вместе с ним немецкие солдаты навсегда скрылись под водой.

В батарее есть огневой расчет сержанта Аэропетова. Смелые, находчивые артиллеристы этого расчета показывают образцы боевой выучки. Их орудие бьет с исключительной точностью. Одним снарядом Аэропетов разгромил фашистскую минометную батарею.

Другая батарея, под командованием политрука Симоняна, заняв выгодную огневую позицию, быстро рассеяла скопление врага. Ясный солнечный день был превращен для фашистов в кромешную ночь. Им некуда было укрыться, всюду их настигал шквал огня и железа. Остатки отборной немецкой части в панике бежали в леса.

На выручку разгромленной части выскочила фашистская конница. Артиллеристы встретили ее ураганным огнем. Не прошло и десятка минут — и конница была рассеяна: кто не был убит, тот бежал. Тогда против батареи Симоняна начали действовать две фашистских батареи. Обрушившись на одну из них и заставив ее замолчать, доблестные артиллеристы быстро переменили позицию. Не заметив этого, фашисты продолжали обстреливать то место, с которого только что батарея ушла. С новой позиции батарея Си-

моняна открыла точный сокрушительный огонь по последней немецкой батарее и полностью уничтожила ее.

(«Правда», 1 июля 1941)

Балтийский стиль

На головном эсминце зоркое наблюдение. Шипит рассекаемая вода. Гудят жарким дыханием вентиляторы. Внезапное сотрясение корпуса. Задет параваном грунт? Нет! Эхолот показывает нормальные для данного места глубины. Значит, задета подводная лодка противника. Мысль в мгновение решает дело по-боевому. Взвился сигнал: «Лодка на весте». Эсминцы начинают маневр. Взыла сирена. Еще несколько секунд. Заметили опять перископ — чуть след, бурунчик. Он уже внутри циркуляции эсминцев.

— Начать бомбометание...

Последовала серия глухих тяжелых подводных взрывов. Чередовались и малые и большие бомбы.

Черноватые выбросы воды, пена.

Лодка попробовала уйти. Взрывы настигали ее, опоясывали. Тут уже дело надо неумолимо доводить до конца, сцепляться намертво. Еще один эсминец пронесся над местом, где был замечен перископ. Ага, задело опять параваном. Пробомбил еще один эсминец, затем другой... Снова серия глухих тяжелых ударов, снова черноватые выбросы воды и пены...

— На поверхности желтые пятна.

Точно... Вытекали, как желчь и сукровица из подстреленного зверя, грязноватые желтые, типичные соляровые пятна. Не упускать, бить, бить и бить!

На поверхности моря шипела, пенилась масса белых малых пузырей по пятнам соляра. Минутами поверхность моря вздувалась, подымалась из глубины воздушная шапка. Лодка начинала захлебываться. Мало нам этого. Будем держаться крепко, бить до конца. Пробомбили снова. «Добить собаку!» Пробомбили еще раз. Метрах в пятнадцати от воздушного пузыря показался другой. Так! Обозначились, следовательно, и размер и направление корпуса лодки. Пузыри белели, как пена на губах бешеного.

На карте остро очиненным карандашом наносится еще одна немецкая подводная могила — четвертая за эти два-три дня. Балтика достаточно глубока и емка для немецких пришельцев. Еще одна их шайка отправилась на дно по примеру «псов-рыцарей», которые также пускали пузыри, идя на дно Чудского озера в 1242 году в Ледовом побоище. На старых местах своей Балтики и Прибалтики наш народ повторяет свои привычки: врагу по зубам справа и слева, потом мордой в землю его и в воду — глотай, собака, кушай и запивай! Встречать умеем.

Вс. Вишневский

(«Правда», 2 июля 1941)

Истребители танков

Лейтенанту Сапиго поручили подтянуть к линии фронта два обоза. Когда лейтенант начал выполнять эту операцию, в лесу появились фашистские танки, которые прорвались вперед.

Лейтенант не растерялся, хотя человеку на коне не очень-то удобно драться с танками. Но лейтенант любит свою Родину и во имя ее го-

тов вступить в борьбу с любым врагом. Лейтенант приказал отвести обоз в сторону, а сам вместе со спешившимися бойцами пополз в кустарник. Там они ждали танки со связками гранат. Младшие сержанты Петров и Рафиков со своими бойцами тоже приготoвились.

Вперед пополз красноармеец Долгов. Он первый метнул связку гранат. Танк дрогнул и остановился. Гусеница была порвана. Так бойцы обоза вывели из строя 10 танков врага. Остальные были разгромлены подоспевшими противотанковыми орудиями.

О. Курганов
(«Правда», 2 июля 1941)

Верные помощники Красной Армии

Горящими ненавистью глазами следили колхозники села Д. за фашистскими самолетами. Хищные птицы гитлеровских разбойников совершали очередной налет на нашу территорию.

Не удался врагу его план: встреченные зенитной артиллерией и советскими ястребками, немецкие бомбардировщики, не выдержав боя, удирали обратно на свои базы. Шли они разрозненно, многих самолетов не досчитались.

— Смотрите, товарищи, фашистский самолет идет на посадку!— вдруг вскрикнул один колхозник.

И действительно, подбитый советскими истребителями, фашистский самолет стал снижаться, подыскивая место для вынужденной посадки. Сел он между селами Д. и П. на лугу.

Из кабины вышли четыре немецких летчика. Оглянулись — никого нет. Вдали заманчивой зеленой стеной стоял лес. Вот куда можно бежать...

Вдруг на пути немецких летчиков показалась колхозница. Услышав нерусскую речь, она смело подошла к вооруженным до зубов фашистским молодчикам.

— Вы куда? — спросила она.

— Нам нужно на железную дорогу, — ломаным русским языком сказал один из налетчиков. — Где у вас тут железная дорога?

Колхозница указала фашистам направление, противоположное тому, куда шли летчики, — прямо навстречу подбежавшим колхозникам села Д. Не успели бандиты сделать несколько шагов, как они увидели перед собой большую толпу колхозников, спешивших к месту вынужденной посадки самолета.

Враги начали лихорадочно разбрасывать по полю оружие, записные книжки. Пулемет кинули в болото. При себе оставались только пистолеты.

Колхозники подошли вплотную к немцам.

— Ложитесь, фашистские бандиты! — прозвучал грозный голос. Немцы покорно легли. Их обезоружили, обыскали и отправили в село. Но конвоировать фашистских разбойников пошла только часть колхозников. Остальные остались у самолета. За несколько километров — из леса — тащили колхозники деревья, чтобы замаскировать самолет. И скоро на месте, где совершил вынужденную посадку подбитый самолет, выросла целая роща.

— Хорошо поработали, — сказал пожилой колхозник, вытирая вспотевший лоб, — теперь если даже налетят гитлеровские молодчики, то чорта с два найдут они место посадки.

Пленные летчики были переданы властям.

(«Правда», 2 июля 1941)

Летчик-истребитель Кузнецов

...Кузнецов набрал высоту и стал ходить над городом, то поднимаясь над облаками, то опускаясь, внимательно заглядывая в окна. Опять никого! Горючего остается всего минут на 15 — нужно идти на посадку.

Уже выпустив шасси и планируя над аэродромом, Кузнецов заметил вспышки зениток, бивших по вражеским самолетам. Он снова убрал шасси и помчался туда. «За 15 минут хоть одну атаку успею», — решил он и бросился догонять фашистских стервятников, повернувших на запад. Он заметил одного, отбившегося от стаи, — фашистский самолет шел на той же высоте метров в 500, а за ним гнались издали два наших истребителя. Но Кузнецов был ближе и выжимал из нового сильного мотора все запасы боевой скорости.

Дистанция быстро сокращалась. Немецкий самолет был уже в 100 метрах. Кузнецов шел немного сверху и, прицелившись в кабину, сразу нажал все гашетки своих пулеметов. Фашист окутался дымом, потом взметнулось рыжее пламя, однако летчик продолжал вести самолет. Он вдруг сократил обороты, рассчитывая, что преследующий его Кузнецов на большой скорости проскочит мимо, и тогда можно будет ударить ему в хвост.

Но Кузнецов быстро разгадал хитрость врага и тоже убавил обороты. Фашист метнулся вправо — и Кузнецов вправо. Фашист влево — и Кузнецов за ним. Он упорно прижимал врага к смертельной для стервятника советской земле. Вот из объятых пламенем самолета выпрыгнул стрелок-радист, но летчик продолжал вести горящий самолет то горизонтально, то рывком в

бок, маневрируя. Кузнецов «сидел у него на спине», не отпуская ни на секунду. Когда враг был уже на высоте 80 метров, Кузнецов дал последнюю очередь, и с вражеского самолета слетел козырек, а за козырьком вывалился летчик-фашист и камнем, с нераскрывшимся парашютом, врезался в еловую рощу. Метрах в 50 от него с глухим взрывом упал самолет.

В. Ильечков

(«Красная звезда», 2 июля 1941)

Как дерутся советские люди

Бойцы взвода, которым командует младший лейтенант Басов, блестяще отразили три атаки усиленной роты немецких фашистов. К концу боя от усиленной роты фашистов осталось меньше взвода.

Сапер Павел Васильевич Макеев и два его товарища в бою отбились от своих. С легким и станковым пулеметом они оказались в тылу фашистских солдат.

Немцы пошли в наступление. Внезапно с тыла у них застрекотали станковый и легкий пулеметы, кося десятки фашистов. Это работал Макеев с товарищами. Неожиданная поддержка сильно помогла нашим бойцам. Немцев били и с фронта и с тыла. Несколько фашистов Макеев заколол в рукопашной схватке. Во время боя был убит его друг — ручной пулеметчик, сам Макеев получил рану в ногу.

Но фашисты были разбиты, 28 солдат взяты в плен.

В. Ардаматский, А. Исбах

(«Правда», 2 июля 1941)

Младший сержант Федоренко

Поставив свои пулеметы на повозку, отделение Федоренко помчалось вперед. Впереди рвались снаряды. Осколком ранило ездового, Федоренко взял вожжи и сам погнался лошадей. Медлить нельзя было. Пулеметы должны были вовремя открыть огонь. Вот и намеченный рубеж. Быстро заняв позиции, пулеметчики снова стали обстреливать врага. Первые номера Юрин и Халтурин, прислушиваясь к уверенному голосу своего командира, точно выполняли его команды. Но вот голос Федоренко умолк. Юрин побежал к тому месту, где находился командир.

— Вы ранены, товарищ командир! — крикнул он и стал перевязывать рану. — Я вас перенесу к повозке, там не такой сильный огонь.

Но здесь красноармеец Юрин снова услышал твердый и уверенный голос своего командира:

— Немедленно возвращайтесь к своему пулемету и продолжайте огонь, а я справлюсь сам.

Боец хотел уговорить Федоренко, но тот был неумолим, он лишь попросил:

— Перезарядите мне винтовку и зарядите мои гранаты!

Юрин выполнил желание командира и бегом бросился на свое место.

Пулеметы продолжали вести огонь.

Боль усилилась, Федоренко стал переползать по канаве.

Он заметил группу немцев. Они переходили дорогу. Федоренко лежал в высокой траве. Он увидел, как один солдат прицелился из автомата в нашего красноармейца. Прежде чем выстрелил враг, раздался выстрел Федоренко. Немец упал, и автомат вылетел из его рук. Федоренко продолжал переползать. Так он дополз до ло-

шины. Но вот под самым ухом застрочил автомат. Сквозь кустарник Федоренко увидел трех немецких солдат. Они шли на него. Думать было некогда. Они уже были совсем рядом. Федоренко выхватил из-за пояса заряженную гранату и швырнул ее в фашистов. Граната разорвалась. Когда дым рассеялся, Федоренко увидел трупы немецких солдат.

Силы начали покидать раненого. Кровь просочилась сквозь повязку, и теперь ее трудно было удержать. Бой продолжался. В наступившей на миг тишине Федоренко услышал несколько коротких очередей станкового пулемета. Сердце забилось от радости. Он уверен был, что это ведут огонь его бойцы. Так оно и было. Добравшись к своим, он узнал, что пулеметчики и в этот раз держались твердо.

З. Хирен

(«Красная звезда», 2 июля 1941)

Воздушный рейд в неприятельский тыл

Нам приказали разбомбить вражескую танковую колонну. Сведения разведки оказались точными: на дороге у опушки леса мы обнаружили немецкие танки и разбомбили их. Несколько бомб, упавших в лес, вызвало сильный взрыв. Вероятно, мы попали в склад горючего или боеприпасов.

Как только мы отбомбились, налетели немецкие истребители. Их было не менее пятнадцати. Несколько вышло вперед с намерением повести лобовую атаку. Наши бомбардировщики встретили фашистов пулеметным огнем. Стрелок-радист Смирнов, опытный, уже побывавший в боях воздушный стрелок, бил по врагам короткими,

но меткими очередями. Вот один истребитель уже кувырком полетел к земле.

От Смирнова не отставал в стрельбе и молодой стрелок-радист комсомолец Беловал, работавший на другом самолете. Самолет, на котором находился Беловал, впервые участвовавший в боях, пилотировал заместитель командира подразделения по политической части старший политрук Догадин. Это храбрый, опытный летчик-орденоносец, громивший белофиннов. Молодой стрелок-радист Дмитрий Беловал оказался достойным помощником своего боевого командира. Он сбил фашистский истребитель и, будучи ранен, продолжал вести огонь, пока потеря крови не лишила его сил. Ранили и стрелка-радиста Смирнова. Но он продолжал стрелять.

Бой длился десять минут. Двумя нашими бомбардировщиками были сбиты три фашистских истребителя. Машина старшего политрука Догадина, попав под сильный огонь, получила наибольшие повреждения. Вторая машина отделалась легкими пробоинами. Прилетев к своему аэродрому, Догадин никак не мог выпустить ногу шасси. Поджать правую, чтобы сесть с убранными шасси, тоже оказалось невозможным. С аэродрома, затаив дыхание, следили за посадкой. Догадин посадил машину на единственное колесо! Мы осмотрели самолет и поразились: старший политрук сумел прилететь на нем, несмотря на то, что в корпусе машины оказалось до 200 пробоин.

Капитан В. Шведовский
(«Правда», 2 июля 1941)

На прифронтовой железной дороге

Путевой обходчик одной из прифронтовых железных дорог тов. А. Коноваленко, заканчивая обход своего участка, услышал гул моторов. То были вражеские самолеты. Тов. Коноваленко стал зорко следить за их действиями. Фашистские бомбардировщики устремились вдоль железнодорожной линии, и через некоторое время с соседнего участка послышались взрывы авиабомб.

Тов. Коноваленко быстро побежал к месту взрыва, одновременно раскладывая на рельсах петарды, чтобы предупредить шедший сюда поезд. Благодаря находчивости и самообладанию путевого обходчика поезд был остановлен вовремя, крушение предотвращено.

(«Труд», 2 июля 1941)

Удар по Констанце

В ответ на двукратную бомбардировку Севастополя советский флот разгромил Констанцу — румынскую военно-морскую базу, отправив пункт германских действий на юге.

Советские боевые корабли стремительно шли к вражеским берегам. На рассвете дальномерщики доложили, что они видят вражеский город. Корабль оказался точно у цели.

Жерла орудий направились на едва заметное вдаль вражье гнездо. Главный старшина тов. Мезенцев, обеспечивающий бесперебойную подачу боезапаса к орудиям, произнес:

— За Сталина! За Родину!

Это звучало боевой клятвой, это звало к победе. Последовал залп, второй, третий... Сот-

ни тонн металла полетели на фашистскую базу, на головы кровожадного врага.

Стрельба велась на большой дистанции.

После нескольких залпов над берегом взметнулся гигантский язык огня. Огромные столбы черного дыма заволокли базу. Цель поражена. Надо ее разгромить до конца.

Доблестные моряки продолжали громить военные объекты фашистов. После каждого залпа все больше и больше расширялось зарево пожара, помогая точной наводке наших кораблей. Еще долгое время длилась артиллерийская канонада.

Внезапный набег наших кораблей на Констанцу ошеломил гитлеровских бандитов. Первое время они ничего не сумели сделать, чтобы помешать обстрелу. Только к концу боя, когда корабли выполнили боевое задание и стали ложиться на курс отхода, фашисты попытались организовать противодействие. Первой заговорила 150-миллиметровая вражеская батарея, а вслед за ней — и батареи крупного калибра. Но эта стрельба была неточной, панической — снаряды падали далеко позади корабля.

Одновременно с началом стрельбы вражеских батарей на горизонте появились три фашистских эсминца, которые также начали обстреливать наши корабли. Но их снаряды не долетали. Ити же в атаку на советские корабли миноносцы не решились.

Береговые батареи фашистов пристрелялись. Один из кораблей попал в накрытие огня, снаряды падали близко от его бортов или за кормой. Надеясь вывести из строя часть личного состава, враг бил шрапнелью. В это же время к кораблю приближалось несколько фашистских

бомбардировщиков, а со стороны берега — группа торпедных катеров.

Командир корабля приказал лейтенанту тов. Беспалько отражать атаки вражеской авиации. Дружно грянули залпы. Стена разрывов преградила дорогу самолетам, и они отошли в сторону. Но сейчас же на корабль ринулась вторая группа бомбардировщиков. Снова огневая завеса преградила дорогу фашистам.

Командиру отделения старшине 2-й статьи тов. Шеину пришлось командовать одновременно двумя орудиями. Мужественный старшина успевал управлять стрельбой, не снижая меткости огня. Два наиболее наглых вражеских бомбардировщика один за другим зашли на корабль с кормы и пошли на него в атаку. Зенитчики дали по головному самолету несколько выстрелов, и стервятник полетел в воду. Сразу же перенесли огонь на второй самолет. Еще несколько метких залпов, и он так же скрылся в волнах Черного моря.

После того как зенитчики отбили атаку бомбардировщиков с кормы, с другой стороны появились новые самолеты. Один из них прорвался через огневую завесу зенитчиков и сбросил две бомбы, которые разорвались вблизи, не причинив ущерба. На это с корабля ответили еще более метким огнем. Один из снарядов разорвался под самой машиной врага. Она сразу накренилась и затем стремительно понеслась вниз. Через несколько секунд морские волны поглотили и этого фашистского коршуна.

Все дальше и дальше уходили советские корабли от вражеских берегов.

Враг решил использовать последнее средство, чтобы повредить наши корабли: выслал навстречу подводную лодку.

Уклоняясь от торпед, корабли развернулись и пошли к месту нахождения лодки. В море полетели глубинные бомбы. Вскипела вода от взрывов. Скоро на поверхность всплыла бесформенная масса, отдаленно напоминающая рубку подводной лодки, и мгновенно погрузилась в пучину. На поверхности появились масляные пятна.

С честью выполнив боевое задание, отбив все атаки врага, корабли вернулись в свою базу.

(«Красный флот», 3 июля 1941)

Летчик и техник

...Загорелое, приветливое лицо, умный, пронзительный взгляд. О своих воздушных боях с фашистами Дмитриев говорит лаконично.

Двадцать второго июня,— начинает он,— увидел немецкий бомбардировщик. Он сбросил одну бомбу. Я взлетел, догнал и уничтожил.

Двадцать третьего июня меня отправили с донесением в штаб. По возвращении оттуда вижу: летит «юнкерс». Решил уничтожить. Он стал удирать. Я за ним — и сбил.

Двадцать четвертого июня я вылетел на прикрытие аэродрома. Вижу — «юнкерс». Он тоже заметил меня и стал сбрасывать бомбы, еще не дойдя до цели. Решил уничтожить его, и это было сделано.

Остается только добавить некоторые детали последнего из этих трех боев, проведенных Дмитриевым. Третьего «юнкерса» он расстрелял в упор метров с пятидесяти. Потеряв управление, фашистский бомбардировщик вынужден был сесть возле нашей запасной авиаплощадки, на которой в это время работал техник Сигов. Когда Сигов увидел снижающийся фашистский

самолет, он бросился на дорогу, остановил первую же машину и помчался к месту приземления. Техник подоспел к сбитому самолету вовремя. Фашистские летчики вылезали из кабин. Их было четверо. Сигов приказал им поднять руки кверху. Под дулом нагана они подчинились и были захвачены в плен смелым техником.

В. Андриянов
(«Красная звезда», 3 июля 1941)

Героический танковый экипаж

Танковый экипаж старшины Бадьева выполнял ответственное боевое задание. Продвигаясь вдоль дороги, командир танка напряженно вглядывался в смотровую щель, озирая окрестности. Столь же внимательно следил за местностью башенный стрелок Архипов.

Вскоре экипаж заметил противника.

— Слева от деревни на опушке леса немецкие танки,— доложил башенный стрелок. Бадьев всмотрелся и подсчитал, что танков было шесть.

— В деревню!— приказал он механику Климову.

Боевая машина Бадьева примчалась в деревню. Она развернулась и укрылась в тени деревьев.

— Подождем,— сказал Бадьев своим товарищам.— Немцы, наверное, заметили, что танк всего один, и обязательно бросятся на нас.

Командир оказался прав. Вскоре два вражеских танка выскочили из леса и поспешили к деревне.

Когда враг приблизился на 200 метров, Архипов выстрелил из пушки. Немецкий танк тотчас же воспламенился. Шедшая за ним машина ста-

ла разворачиваться. Грянул второй выстрел, и вот уже запылали оба немецких танка.

В это время с другой стороны на героический экипаж советских танкистов набросились четыре немецких машины.

— Вижу!— крикнул Архипов и нажал на педаль.

Точно в башню угодил его снаряд. И третий фашистский танк загорелся. У немцев поднялась паника. Экипажи трех оставшихся машин стали выскакивать наружу, пытаясь скрыться. Это им не удалось, пулеметные очереди поразили всех.

— Что ж нам теперь с трофеями делать?— сказал Архипов.— На буксир взять и трудно, и опасно. Напасть могут.

— Расстрелять фашистские танки,— приказал старшина. Грянули выстрелы. Вражеские машины загорелись.

(«Красная звезда», 3 июля 1941)

Враг был отброшен

Из штаба сообщили, что противник, форсировав реку, занял пункт С. Командир танкового подразделения лейтенант Малафеев решил выбить врага.

Заскрежетали гусеницы, и танки двинулись вперед.

Фашисты залегли у леса, в высоких хлебах. Они встретили машины сильным огнем из пулеметов и автоматов. На правом фланге была вражеская противотанковая пушка.

— Мы ее сейчас угостим,— сказал лейтенант и, быстро прицелившись, выстрелил из танкового орудия. Пушка утихла.

За танками в атаку пошла наша пехота. Заговорили советские пулеметы и минометы. Пшеница пригнулась под ураганным огнем. Гитлеровские молодчики, бросая оружие, бежали в лес. Пункт С. был очищен от фашистских налетчиков. В это время к опушке леса на мотоцикле подъехал связной:

— Товарищ лейтенант, немецкий отряд напал на пункт Н. Немцы пытаются захватить штаб.

— Федорченко, Петров, Болдырев — по машинам! — раздалась команда.

Водители быстро захлопнули люки и на большой скорости пошли навстречу врагу.

Было тихо. Невдалеке над одним из деревьев зволнованно кружила стая галок.

Боец заметил:

— Смотри, куда «кукушка» забралась.

Пулеметчик короткой очередью чиркнул по верхушке дерева. На землю свалился автомат, а за ним и безжизненное тело немецкого снайпера.

Танки вошли в село. Ночь прошла спокойно. Но танкисты не покидали своих машин и были готовы к бою.

Под утро над селом стали разрываться снаряды. Враг пристреливался. Не желая подставлять танки под огонь, лейтенант приказал вывести машины из села.

Немцы перешли в атаку. Они двигались к селу короткими бросками и громко выкрикивали: «Гох».

— Уже «охают», — сказал кто-то из красноармейцев. — А что после будет...

— Сейчас увидим, — ответил лейтенант. — Нужно подпустить поближе, а потом открыть огонь.

Метрах в 50 враг был встречен внезапным огнем. Немцы залегли, их стрельба стала беспорядочной.

Наши пехотинцы бросились в штыки.

Враг не выдержал этой атаки. Бросая оружие, солдаты поднимали руки.

— Ура! — кричали бойцы и лавиной, вслед за танками, двигались вперед к лесу, где засела еще одна группа противника.

Танки остановились только тогда, когда враг был уничтожен. Среди пленных оказалось несколько чехов.

— Мы не хотим воевать, — заявляли они в один голос. Пленные показывали свои флаги. В одной половине была вода, а в другой — водка. — Вот что нам дают на дорогу, — говорили пленные.

— Как вы думаете, товарищ лейтенант, — обратился к тов. Малафееву молодой танкист, в недавнем прошлом тракторист из Житомирской области, — хорошую мы дали им закуску под эту горилку?

— Вполне хорошую, — ответил лейтенант Малафеев.

Политрук Д. Шульман

(«Труд», 4 июля 1941)

Доблестные артиллеристы

На огневой позиции возле опушки леса, искусно замаскировавшись, стояла наша Н-ская артиллерийская часть. Прямо на нее двигалось свыше 60 германских танков. Противник приближался, не замечая артиллеристов.

— Сейчас мы вас встретим гостинцем, — переговаривались вполголоса бойцы, подпуская врага все ближе и ближе.

Когда, наконец, немецкие танки находились на расстоянии 100 метров, бойцы открыли сокрушительный огонь прямой наводкой. Один за другим взрывались и загорались танки.

Но это не была еще победа. Неожиданно из-за леса показались немецкие бомбардировщики. На наши огневые позиции посыпались бомбы и пули врага.

Но бомбовый удар германской авиации не сломил мужества наших бойцов, они самоотверженно продолжали вести бой с превосходящими силами противника. Доблестные наши артиллеристы вывели из строя 63 вражеских танка.

Г. Крылов, Ф. Жадаев
(«Труд», 4 июля 1941)

Образец исключительной отваги и прекрасного умения водить танк показал младший лейтенант Юхнич. Окруженный пятью фашистскими танками, он метким орудийным огнем расстрелял четыре вражеских машины, а затем, пустив свой танк на предельную скорость, сокрушительным лобовым ударом опрокинул последнюю вражескую машину.

(От Советского информбюро)

Старший лейтенант Волков

...Группа самолетов во главе с Героем Советского Союза капитаном Красноюрченко отправилась в тыл врага на выполнение боевого задания. Ей удалось обнаружить крупный вражеский штаб. Под деревьями они увидели легкие машины, замаскированные ветвями, в рощи-

це виднелись цистерны с горючим, вокруг стояло несколько танков и бронемашин, по дороге шла колонна танков и артиллерии.

Офицеры и солдаты, услышав шум моторов, стали разбегаться в стороны, но их повсюду настигали советские бомбы, которые посыпались на головы врагов. После сигнала капитана Красноюрченко бомбовый залп обрушился на цистерны, и они запылали. Танки метнулись в стороны, поднялись на дыбы кони, кверху полетели колеса орудий, отовсюду сквозь черный дым рвались языки пламени.

Старший лейтенант Волков, сбросив бомбы, стал обстреливать перетрусивших фашистов с бреющего полета. Он хорошо видел все поле боя. За кустами он заметил три легковых машины. Несколько фашистских вояк в страхе забились под них. Волков совершал один заход за другим, расстреливая врагов из пулеметов. Он изрешетил машины, уничтожая тех, кто прятался под ними.

Выбрав новую цель, он повел свою «чайку» в третий заход. Наблюдая за землей, он ни на секунду не забывал следить за зенитом. Идя в новый заход, он увидел, что к хвосту самолета его любимого командира капитана Красноюрченко пристроился «мессершмитт-109».

— «Командиру грозит опасность,— мелькнуло в мозгу,— немедленно на помощь».

Быстрый маневр снизу вверх, и Волков в хвосте вражеского истребителя. Он напрягается, как струна, нажимает на все гашетки, влагает в пулеметы всю свою волю, чтобы сберечь командира от предательски подкравшегося к нему врага.

Очередь за очередью, красная линия пуль вонзается в «мессершмитт», и тот стремительно ухо-

дит влево. Волков направляет свою «чайку» вслед за ним, но в это время другой «мессершмитт» бросается на него. Волков принимает атаку врага, смело идет ему в лоб. Расстояние между «чайкой» и «мессершмиттом» сужается.

У кого нервы крепче, кто дольше выдержит? «Ни за что не сверну в сторону»,— упрямо решает Волков, посылая во врага очередь за очередью. Он целит прямо в мотор, прямо в черное сердце врага.

Доли секунды кажутся часами. Еще мгновение, и самолеты столкнутся, между ними остается какие-нибудь 50 метров... «Сейчас смерть,— думает Волков.— Но вместе со мной погибнет враг, я уничтожу его своим самолетом, как снарядом».

И тут он видит, как из мотора «мессершмитта» показывается черный дым и тот падает, освобождая путь советской «чайке». Все в порядке! Волков осматривается: слева и справа от себя он видит младших лейтенантов Демича и Зозулю. Это они охраняли его в то время, когда он вел бой.

— Спасибо, товарищи,— с благодарностью шепчет Волков.

А. Шуэр

(«Красная звезда», 5 июля 1941)

Восстановление моста под обстрелом

Бомбой, сброшенной с фашистского самолета, был поврежден мост, по которому подвозились снаряды на огневые позиции. Воентехнику 2-го ранга Самойленко было приказано с группой

красноармейцев восстановить поврежденный мост, а потом построить запасный.

Немецкие артиллеристы все время держали мост под обстрелом. Это, однако, не помешало нашим бойцам немедленно приступить к делу. Восстановление устоев и укладка настила шли быстрым темпом. Бойцы работали умело и самоотверженно.

Красноармейцы Полищук и Котляров были ранены осколками снарядов, но категорически отказались итти в тыл, пока мост не будет восстановлен. Красноармеец Естифеев, тоже будучи ранен, продолжал скреплять устои.

Вскоре мост стал исправным, и по нему одна за другой пошли машины с боеприпасами. В это время осколок вражеского снаряда ранил и самого Самойленко. Перевязав себе рану, он тут же приступил вместе с красноармейцами к постройке запасного моста.

(«Красная звезда», 5 июля 1941)

Артиллерист Евгений Золявин

Старший на батарее лейтенант Евгений Золявин проверил готовность орудий к бою. Орудийные расчеты с нетерпением ждали начала боя.

Золявин хорошо знал местность вокруг, но никогда не мешает еще раз присмотреться,— может быть, только теперь глаз схватит и запомнит какую-нибудь точку, которая пригодится потом в бою...

Шоссе, уходящее на запад,— оттуда должны появиться враги. Сосны шумят. Легкий ветер раскачивает кудрявые их вершины. В сторожке одинокий хутор, а дальше селение, над которым возвышается ветряная мельница. Неподвижно

стоит мельница,— крылья ее связаны, бездействуют,— люди воюют, и мельницы им нужны теперь не для того, чтобы молоть зерно, а для того, чтобы с их высоты наблюдать за противником.

Да, конечно, на мельнице — наблюдательные пункты врага, а может быть, и пулеметы. Лейтенант Золявин прикидывает на-глаз расстояние до мельницы. Он подходит к наводчику первого орудия Крапивину.

— Ну, как, приготовились?

— Все в порядке, товарищ лейтенант.

Издалека донесся приглушенный гул моторов. Золявин знал, что это идут танки врага. Он вглядывался вдаль, но ничего не было видно, лишь гуще становился гул. С наблюдательного пункта прозвучала команда:

— По танкам противника... огонь!

Наводчик первого орудия Крапивин прильнул к панораме. Он делал наводку спокойно, но быстро, теми короткими, экономными движениями, которые вырабатываются долгой практикой.

— Первому орудью — огонь!

Грянул выстрел. Второй... Третий. Снаряды полетели в невидимого врага, но падали точно там, где появлялись его танки.

— Сбито три танка! — сообщили с наблюдательного пункта.

Так начался ожесточенный бой... Фашистские танки шли лавиной, пытаясь смять сопротивление обороняющихся. Впереди показались шесть танков. Навстречу врагу красные артиллеристы посылали снаряд за снарядом. Шесть головных танков, подбитых меткими выстрелами, застыли неподвижными черными грудями исковерканного железа.

Фашистские танки повернули назад.

Однако через некоторое время возле батареи стали рваться снаряды,— фашисты решили уничтожить ее своими пушками. Началась артиллерийская дуэль.

Лейтенант Золявин заметил вдали за двумя соснами фашистскую пушку и указал ее Крапивину. Тот не заставил себя ждать,— меткими выстрелами он вывел из строя пушку врага. И тотчас же обстрел позиций прекратился.

Фашисты, видя, что танкам здесь не пройти, начали обстрел селения зажигательными снарядами. Запылали крестьянские хаты. Под прикрытием дымовой завесы фашисты бросили в бой пехоту.

Взвод, которым командовал лейтенант Золявин, встретил вражескую пехоту снарядами. Фашисты, ворвавшись в горящее селение, немедленно превратили мельницу в свой наблюдательный пункт.

Батарее была поставлена задача: уничтожить вражеский наблюдательный пункт. Метким огнем мельница была снесена.

В середине боя связь внезапно прервалась. Поступило приказание: «Действовать самостоятельно». Это означало, что лейтенант Золявин стал единственно ответственным за судьбу артиллерийского взвода. Нужно было действовать за свой риск и страх. Но каждый артиллерист понимал серьезность положения и каждый старался с удесятенной силой и рвением.

Вот в панораму орудия Крапивин увидел танк, движущийся по шоссе. Он явно торопился укрыться за строениями хутора. Золявин отдал приказание обстрелять хутор. Танк, как таракан, которого ошпарили кипятком, выполз из укры-

тия. Став на шоссе, он открыл огонь по батарее, но снаряды падали с недолетом.

— А вот наши долетят!— сказал Крапивин и прямой наводкой выпустил по танку три снаряда. Фашистский танк загорелся.

Противник бросил в атаку пехоту. Вот показались фашистские молодчики в темных шинелях, в обмотках. Бросаясь в атаку, они снимали ранцы, швыряли их на землю и надвигались бегом.

— Шрапнелью!— скомандовал Золявин.

Над головами фашистов стали рваться снаряды, обдавая их, как из душа, свинцовым кипятком. Шрапнель расчистила поле от фашистов,— они отошли с большими потерями.

Но немного погодя, получив подкрепление, противник снова пошел в наступление. На этом участке он бросил в бой большие силы и начал жестокий обстрел наших артиллерийских позиций. Пушки наших артиллеристов накалились от стрельбы.

Да, это был жаркий бой! Нужно было во время сражения подвозить снаряды. У самых орудий часто оставалось лишь по три человека, остальные подтаскивали снаряды. Противник усиливал обстрел, но герои Отечественной войны — мужественные артиллеристы, которыми командовал Золявин,— ни на секунду не дрогнули, отстаивая каждую пядь своей Советской земли.

В. Ильенков

(«Красная звезда», 5 июля 1941)

Вырвавшись из вражеского окружения, политрук Изгурский, лейтенант Комаров и красноармеец Стефанцев пробирались к своим частям.

Проходя по лесной тропинке, они заметили хитро замаскированную избушку и неподалеку от нее палатки. До слуха донеслась немецкая речь. Сообразив сразу, что это вражеский штаб, герои решили напасть на него. Прогремело неожиданное для врага красноармейское «ура», и в штаб полетели ручные гранаты. Немецкий полковник и два штабных офицера были убиты. Замешательство охватило стан врага. Этим воспользовались тт. Изгурский, Комаров и Стефанцев. С молниеносной быстротой захватили они чемодан с оперативными документами, вскочили в стоявший под навесом автомобиль и умчались к своим.

Лейтенант Середа во время воздушной разведки над румынской территорией обнаружил скопление пехотных войск противника, колонну автомашин и радиостанцию. Совершив шесть заходов на бреющем полете, тов. Середа поразил бомбами и пулеметным огнем все три цели. Продолжая разведку, отважный лейтенант заметил воинский эшелон и обстрелял его. Эшелон загорелся. Только израсходовав все боеприпасы, тов. Середа возвратился на свой аэродром.

Группа красноармейцев-разведчиков под командованием младшего лейтенанта Собченко наблюдала за дорогой в тылу противника. Невдалеке остановилась продвигавшаяся к фронту колонна вражеских танков. В бинокль тов. Собченко увидел, что корпус одного из танков неожиданно прогнулся под нажимом руки облокотившегося на него офицера. Как показало внимательное наблюдение, из 20 машин колонны лишь одна была

настоящим танком. Остальные представляли собой обтянутые парусиной деревянные сооружения на гусеничном ходу. Только головной настоящий танк мог стрелять снарядами, другие же машины вели лишь пулеметный огонь. Ночью «летучий» отряд фашистов был разгромлен.

При отходе на новые позиции части Красной Армии взорвали мост через реку С. Немецкие саперы за два дня с трудом восстановили мост, изготовив деревянный настил. На третью ночь немецкую охрану моста неожиданно обстреляли с небольшого острова, расположенного неподалеку. Фашистская моторная лодка, направленная к острову, была повреждена тремя гранатами и затонула. Группа солдат, охранявшая мост, открыла беспорядочную стрельбу по острову, на котором укрывались в камышах три отважных партизана. Партизаны недаром отвлекали на себя вражеский огонь. В разгар перестрелки с берега на мост неожиданно полетели ручные гранаты. Уцелевшие германские солдаты в панике бежали. Партизанская группа, совершившая смелый ночной налет, облила мост керосином, подожгла его и скрылась в прибрежном лесу. Запылавшие деревянные фермы моста рухнули через несколько минут в реку.

(От Советского информбюро)

Подвиг истребителя Ремизова

Восемь вражеских бомбардировщиков под охраной истребителей попытались напасть на наш аэродром. Навстречу им поднялись в воздух сталинские соколы. Летчик Беликов пошел в лобовую атаку на вражеский бомбардировщик

Ю-88. Враг повернул назад, но успел дать два орудийных выстрела по истребителю.

У машины Беликова оторвало плоскость, и она резко начала терять высоту. Беликову удалось выброситься на парашюте с падающего истребителя. Фашистский налетчик, видя свое превосходство, стал кружиться, как коршун, над парашютистом, чтобы расстрелять его из пулемета.

Летчик-истребитель лейтенант Ремизов, увидев, что товарищ попал в беду, немедленно ринулся ему на помощь и атаковал вражеский бомбардировщик. Но в это время из-за облаков вынырнул второй фашистский стервятник. Ремизов, оказавшись один против двоих, все же решил принять бой.

Стрелой взвиваясь вверх и резко пикируя, лейтенант Ремизов зашел в хвост одному из бомбардировщиков и дал очередь. Пули попали в цель. Объятый пламенем, немецкий самолет пошел к земле. Второй фашистский экипаж решил тогда оставить поле боя, но Ремизов быстро настиг врага. Завязалась воздушная дуэль, в которой нашел свою могилу и второй стервятник.

Герой-летчик Ремизов сбил два вражеских самолета и спас жизнь товарищу.

(«Красная звезда», 8 июля 1941)

Лихой удар красных кавалеристов

Кавалерийский взвод младшего лейтенанта Мороза получил боевую задачу разведать силы врага в районе N. Путь был недалекий, но трудный и опасный. Под артиллерийским огнем приходилось осторожно пробираться от роши к роще.

Вот и река С. Нашли брод, переправились. Противоположный берег был покрыт редкими

соснами. Влево синел лес. Туда и повел свой взвод младший лейтенант.

Канонада не утихала. Прислонившись к сосне, Мороз встал на спину коня и внимательно осмотрел местность. От леса шли хлеба, а в высоких хлебах, почти незаметные, двигались танки. За ними — тягачи, грузовые машины.

Записав все, что увидел, младший лейтенант послал командиру части донесение, а взводу приказал взять влево, к дороге, которая вела из леса на юго-запад, в глубь вражеского тыла. Присматриваясь к каждой кочке, разведчики в полной тишине прошли около четырех километров, как вдруг совсем близко впереди ухнула пушка и тут же застрочил пулемет.

Ехать дальше не представлялось возможным. Над головами рвалась шрапнель, проносились пули. Провожаемые пулеметными очередями и винтовочными залпами, разведчики повернули назад к реке.

Стрекот пулеметов усилился, и вот уже замелькали серые фигуры немецких пехотинцев. Их не менее полуроты. «Только бы до опушки добраться, — подумал Мороз. — Там будет где развернуться».

Немцы не препятствовали движению взвода к опушке леса. Там ожидал разведчиков другой отряд немецкой пехоты. Но младший лейтенант во-время заметил грозившую опасность. Наметанным глазом прикинул он расстояние, рассредоточил взвод и, выждав нужный момент, командовал:

— Шашки вон!

Взвод вихрем врезался в фашистскую пехоту и расстроил ее ряды, сея вокруг смерть. Вот покатила одна каска, вторая, третья... Началась лихая рубка. Немцы дрогнули, подались

назад. Офицер что-то неистово кричал, размахивая револьвером. Боец Елкин подскочил на разгоряченном коне к офицеру и взмахнул саблей. Но в этот миг командир взвода закричал:

— Не трогать языка, Елкин!

На полном скаку подлетел Мороз к обалдевшему офицеру, пригнувшись, схватил его за ворот и одним рывком взвалил к себе на коня.

Поляна покрылась трупами фашистов. Кавалеристы носились, подобно ветру, окончательно рассеяв врага, не ожидавшего такой ярости от горсточки советских бойцов.

Офицер лежал поперек седла ни жив, ни мертв. С высоко поднятыми руками стояла рядом обезумевшая пятерка немецких солдат. Они никак не могли притти в себя. Офицер потом признался в штабе:

— Ничего подобного я не видел за два года войны. Дрался с поляками в Варшаве, с французами под Лионом, но никогда не видел такой яростной атаки.

К. Полоник, Б. Абрамов
(«Красная звезда», 8 июля 1941)

Старший лейтенант Бундюк патрулировал над одним объектом. Вдруг он увидел четыре фашистских самолета, которые, пролетев, не заметили его. Лейтенант пристроился в хвост вражеских самолетов и полетел за ними. Приблизившись, Бундюк открыл огонь по самолету, шедшему последним. Самолет загорелся и упал на землю. Воспользовавшись замешательством врага, Бундюк расстрелял второй самолет, а затем вступил в бой с остальными двумя и сбил третью машину. Четвертый фашистский самолет не принял боя и повернул обратно.

Каждый день приносит все новые вести о героической борьбе советских патриотов во вражеском тылу. Партизанский отряд численностью в 100 человек в N-ском районе Западной Белоруссии напал на немецкую мотопехоту. В бою с фашистами партизаны убили 150 немецких солдат. В другом районе партизанский отряд, укрывшись в придорожном кустарнике, подстерег колонну фашистских танков и забросал их бутылками с горящим бензином. Восемнадцать крупных вражеских танков были уничтожены.

(От Советского информбюро)

Бесстрашный сын крылатого народа

— По самолетам!— звучит команда.

Над посадочной площадкой взлетает, шипя, сигнальная ракета. Грозные истребители стремительно взмывают в воздух, ложатся на курс и исчезают вдали.

Погода пасмурная. Несутся низкие, рваные облака. Надо зорко смотреть и не прозевать жестокого и коварного врага. Командир эскадрильи старший лейтенант Николай Терехин пристально наблюдает за воздухом.

Где-то поблизости идут бомбардировщики фашистов. Они летят бомбить цветущий город N. Они хотят сбросить смертоносный груз на жителей города, на женщин, на детей, на стариков. Нельзя пропустить немецкие бомбардировщики к городу N.

Эскадрилья Терехина рыщет в небесных просторах, она ищет врага, чтобы истребить его. И вот в серых глазах Терехина блеснула острая

радость. Крепкая рука его легким движением качает самолет с крыла на крыло, подавая сигнал остальным. Старший лейтенант Терехин и его товарищи бросают свои послушные боевые машины на врага.

Пять «хейнкелей», только что вынырнувших из облаков, видят неотвратимо грозную погоню и расплату. Старший лейтенант видит, как фашистский стрелок-радист, судорожно вертя маленькой черной головой, ведет по нему огонь из своих пулеметов. Терехин чувствует, что несколько пуль врага попали в его боевую машину. Но у него хватает выдержки, чтобы, несмотря на огонь врага, подойти на верную дистанцию к бомбардировщику и лишь тогда ударить по нему в упор. Наверняка! Терехин очень ясно видит озверелое, перекошенное злобой ужасом лицо фашиста.

— Вот теперь пора!— решает Терехин.

Он крепко жмет гашетку своих пулеметов. Огненные мечи его трассирующих пуль хлещут по бомбардировщику, убивая фашистов. Буйное пламя возникает над фюзеляжем, неуправляемый «хейнкель» валится книзу.

Терехин оглядывается. Он видит еще два «хейнкеля», тоже в пламени и дыму. Расстрелянные товарищами Терехина, они падают вниз. Победа! И сердце старшего лейтенанта Терехина сжимается в сладком волнении.

Но надо уходить к себе на посадочную площадку. Мотор работает с перебоями, что-то произошло с управлением, оно плохо слушается. При посадке на аэродром истребитель вдруг бросило в сторону. Только хладнокровие и умение Терехина предотвратили неминуемую аварию. Товарищи, подбежавшие к самолету, поздравляют Терехина с победой. Старший лейтенант

Терехин застенчиво улыбается. На смуглом от загара лице его блестят белые зубы. Безгранично смелый в бою, на земле он скромн, тих и ласков. И это еще более усиливает уважение и любовь к нему.

На другой день в 7 часов вечера старший лейтенант Терехин снова подымается в воздух. Задача такая же — перехватить группу немецких бомбардировщиков и уничтожить ее. Как и вчера, пасмурна погода. Как и вчера, нелегко разыскать врага среди этих серых облаков.

Старший лейтенант Терехин находит группу немецких бомбардировщиков и атакует ее. Он стремительно бросается на крайний, самый близкий к нему бомбардировщик, в упор стреляет по нему и сразу убивает стрелка-радиста. Следуют короткие, меткие очереди. Бомбардировщик валится вниз, и на земле взметывается пламя взрыва.

Но впереди еще два немецких бомбардировщика. Они удирают. Их нельзя отпустить! Терехин преследует стервятников. Он ведет огонь по ближнему бомбардировщику, но вдруг патроны кончились! Теперь враг может уйти. Но ведь этого не может быть! Врага надо уничтожить любой ценой, любым способом.

В неуловимую долю секунды в сознании Николая Терехина проносятся события последних дней, встают лица товарищей, погибших в бою за Родину, за честь советского народа, встают картины пожаров, зажженных фашистами и полыхающих над родными землями. И отчетливо и радостно сознавая, что вот сейчас он сам погибнет, охваченный восторгом смертельного удара по врагу, Николай Терехин бросает свой истребитель на фашистский бомбардировщик, как таран.

Струя газов от удирающего самолета сбивает Терехина чуть в сторону, и плоскостью своего самолета он рубит не по мотору, а по хвосту врага. Навсегда остается в памяти, как срывается вниз немецкий бомбардировщик, а своя правая плоскость задирается вверх и корежится.

Но истребитель еще управляем. А впереди последний бомбардировщик врага. Его также надо уничтожить! Не думая ни о чем, кроме этого, Николай Терехин стремительно сближается с бомбардировщиком. По его истребителю бьют пули немецкого стрелка. Терехин быстрыми и точными движениями отбрасывает борт кабины, отстегивает ремни, сбрасывает со лба очки, и тотчас его истребитель тараном бьет по бомбардировщику врага. Тот разлетается в куски.

Но и боевая машина Терехина тоже разлетается в куски. И сам Терехин, ошеломленный ударом, с рассеченным об управление лбом, падает вниз. На высоте 400 метров, полностью придя в себя, он раскрывает парашют. Он видит, как под ним приземляются два немецких парашютиста и бросаются наутек. Но им не уйти! Терехин радуется, видя, как немецкие летчики попадают в руки красноармейцев.

И сам он попадает в эти же руки. Но для него какие они ласковые и родные, эти советские руки!

В.г. Ставский

(«Правда», 8 июля 1941)

Как были потоплены немецкие миноносцы

Днем 6 июля в Ирбенском проливе произошел морской бой между миноносцами Краснознамен-

ного Балтийского Флота и немецкими миноносцами. Это был первый бой наших надводных кораблей с кораблями фашистской Германии.

Вскоре из-за мыса показался отряд легких сил противника в составе вспомогательного крейсера и двух эсминцев типа «ягуар». Они шли полным ходом, наметив удар по советским кораблям.

Моряки Балтики хорошо знают, что в современном бою важно захватить инициативу. С первых же минут наши миноносцы открыли по фашистским кораблям ураганный огонь, идя на сближение с противником.

Управляющий огнем капитан-лейтенант Бурчаков и старший лейтенант Гребенчук в первом же бою показали свое умение и подготовленность сокрушать врага.

Четкая команда, отличная работа всего расчета обеспечили меткие залпы по фашистским кораблям. Артиллеристы Балтики наносили противнику серьезные повреждения. Один немецкий эсминец сильно накренился на борт, стал тонуть и скоро скрылся под водой. Другой эсминец получил большие повреждения.

Видя неудачный исход морского боя, немецкий крейсер, также поврежденный нашим артиллерийским огнем, поставил дымовую завесу и под прикрытием ее пытался вместе с поврежденным эминцем удрать. Но их настигли самолеты морской авиации, которыми командует Герой Советского Союза тов. Крохалев.

Славные балтийские соколы, несмотря на неблагоприятную погоду, быстро окружили вражеские корабли и, не боясь огня зенитных орудий, сбрасывали на врага авиабомбы. Бомбы рвались у кораблей, некоторые угодили на верхнюю палубу.

После налета нашей авиации пошел ко дну вместе со всем экипажем и второй эсминец врага. Крейсер, пользуясь плохими метеорологическими условиями, продолжал удирать к своей базе...

Политрук В. Лебедев
(«Правда», 8 июля 1941)

Во имя победы

Нанося жестокие удары германским войскам, наши части отходили на новые рубежи. 4 июля фронт приблизился к селу N. В этом селе — один колхоз. Почти всю ночь колхозницы слышали артиллерийскую канонаду. Враг был близко и грозил захватить село N.

Несмотря на бессонную ночь, трудовой день начался с рассветом — около 4 часов утра. Галя с группой молодежи выгрузила из амбара 9 грузовиков зерна. Мешков нехватало, и лошадей впрягли в наспех отремонтированные бестарки. Все отправили на пункт Заготзерна, где кипела напряженная работа и грузились десятки вагонов. Комсомольцы укрывали зеленью каждый грузовик и каждую подводу с зерном, чтобы замаскировать их от фашистских самолетов. Немцы могли бомбардировать машины с зерном. Вчера утром почти в такое же время гитлеровский самолет бросал бомбы в машину райпотребсоюза. Девушка-шофер райсоюзской машины свернула с дороги, сделала несколько зигзагов по полю, въехала в лесок и таким образом спаслась от немецких бомб.

Центнеров 40 ячменя и вики вывезти не смогли. Их полили керосином и сожгли. Нелегко было уничтожать добро, добытое честным, сво-

бодным трудом, потом и кровью. Две колхозницы, которые вместе со всеми тащили бочки с керосином, тихо плакали. Галя объясняла им:

— Мы обязаны это сделать во имя победы...

Народ хорошо понимал свою цель. Ни один килограмм хлеба, ни один литр горючего не должен достаться противнику. Настроение было боевое. Вывозили и уничтожали все ценное. Делали это во имя победы над ненавистными фашистами-кровопийцами.

Доярки угоняли коров. Стадо привычно пошло по пыльной дороге и сперва не хотело сворачивать в пшеницу. Но девчата погнали коров по дозревающей пшенице и ржи... Скот вытаптывал посевы, уничтожал озимые, яровые, подсолнух.

В поле вышло не менее 80 девушек и женщин с серпами и косами. Они подрезали колосья. Тракторные и конные катки беспощадно уничтожали, вдавливали колосья в землю. Бригадир тракторной бригады Андрей К. пустил плуги на свекловичные плантации поперек ровных зеленых рядков. Все, что росло на 1160 гектарах колхоза села Н, все было вытоптано, перепахано, уничтожено дотла. Впервые в нынешнем году артель посеяла 0,8 га кок-сагыза. Звеньевая Ульяна П., которая сеяла и любовно выращивала эту культуру, теперь сама безжалостно уничтожила посевы.

— Никогда змее не увидеть солнца, а фашистской сволочи — колхозного урожая, — говорили в Н.

В самом селе не прекращалась работа. Прирезали 14 откормленных свиней и сдали в обоз одного из отходящих полков Красной Армии. Полугодовой план сдачи мяса государству колхоз выполнил почти на 500 процентов. Заведую-

щий свинофермой сам погнал уцелевших свиноматок в районный центр, чтобы отгрузить их в тыл.

— Раз сюда фашистские свиньи идут, мы своих чистопородных угоним подальше,— объяснял он.

— Значит, в твоём свинарнике теперь немецкие офицеры поселятся?

— Офицеры? Да ведь мы, черт побери, его для иоркширов строили, а не для гадов. Неужели немцы нашими постройками попользуются?

И без лишних слов народ разобрал до последнего бревна свинарник, два коровника, амбар, новую конюшню. Лучших коней хлопцы увели в лес. Они никому не говорили, зачем— всем было ясно.

Трудно даже понять, как люди успели в один день столько проделать. Ими двигало простое и ясное слово товарища Сталина. Ими двигала священная ненависть к фашистским грабителям. И действовали поэтому быстро, энергично, беспощадно. Слесарь М. пробил молотом цистерну с горючим. Кузнецы разбили два комбайна, сноповязалки, молотилку «МО 900». Разбитые машины и инвентарь потащили к каменному карьере и сбросили с крутого обрыва.

— Пусть немцы попробуют достать!

Бригадир садоводческой бригады, одиннадцатый год работающий садовником, сбивал крошечные зеленые яблочки: «Не для разбойников садили».

Пасеку подожгли. Пчелы роем улетели в поле.

Молодежь подорвала плотину и пустила воду из колхозного пруда. Группа комсомольцев отправилась на сахарный завод, чтобы там помочь разрушить оборудование.

Из сельского магазина выгрузили часть товаров, а остальные уничтожили. Кто-то выкатил бочку с морсом и вышиб из нее дно. Колодцы завалили.

...Женщины вместе с мужчинами уходили в лес, уносили с собой детей.

Д. Новоплячский, В. Шумов
(«Комсомольская правда», 9 июля 1941)

Эскадрилья бомбардировщиков Черноморского флота под командованием капитана Цурцумия обнаружила и атаковала корабли противника. Первые бомбы попали в два вражеских корабля. Корабли пошли на дно. Затем старший сержант Семенов обнаружил третий корабль. Опытный штурман эскадрильи Горбатов опознал в нем монитор и точным расчетом поразил его с одного захода. После боя капитан Цурцумия привел все самолеты на свой аэродром без малейшего повреждения.

Красноармейцы N-ского стрелкового полка Паянин и Крестьянинов, ведя бой с противником, оторвались от своего подразделения и оказались глубоко в тылу врага. Вскоре Крестьянинов был ранен. Тогда Паянин, взвалив на спину раненого товарища, начал осторожно отходить. По дороге на Паянина напали фашисты. Вступив с ними в бой, он уложил пятерых немцев. Три километра нес на себе товарища самоотверженный боец, пока не присоединился к своим.

Во время глубокой разведки тыла противника наши разведчики младший лейтенант Сахаров и

красноармейцы Погодин и Курицын услышали сильный взрыв. Вскоре вдали показалось красное зарево. Незаметно подкравшись к месту взрыва, красноармейцы увидели крупный отряд советских партизан около группы разрушенных самолетов. Как выяснилось из беседы с командиром партизанского отряда тов. С., на поляне находился один из тайных аэродромов врага. Искусно замаскированная поляна служила базой для фашистских истребителей. За три дня до взрыва аэродром был обнаружен разведчиками партизанского отряда. К нападению на аэродром советские патриоты готовились двое суток. Появление партизан было столь внезапным, что из находившихся на аэродроме немцев спаслись только несколько солдат. В результате налета были уничтожены пять самолетов, запас горючего и склад боеприпасов.

(От Советского информбюро)

Подвиг капитана Гастелло

Третьего июля во главе своей эскадрильи капитан Гастелло сражался в воздухе. Далеко внизу, на земле, тоже шел бой. Моторизованные части противника прорывались на Советскую землю. Огонь нашей артиллерии и авиации сдерживал и останавливал их движение. Ведя свой бой, Гастелло не упускал из виду и бой наземный.

Черные пятна танковых скоплений, сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о заминке в боевых действиях врага.

И бесстрашный Гастелло продолжал свое дело в воздухе. Но вот снаряд вражеской зенитки разбивает бензиновый бак его самолета.

Машина в огне. Выхода нет.

Что же, так и закончить на этом свой путь? Скользя, пока не поздно, на парашюте и, оказавшись на территории, занятой врагом, сдаться в постыдный плен? Нет, это не выход.

И капитан Гастелло не отстегивает наплечных ремней, не оставляет пылающей машины. Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника, мчит он огненный комок своего самолета. Огонь уже возле летчика. Но земля близка. Глаза Гастелло, мучимые огнем, еще видят, опаленные руки тверды. Умиравший самолет еще слушается руки умирающего пилота.

Так вот как закончится сейчас жизнь — не аварией и не пленом, — подвигом!

Машина Гастелло врезается в «толпу» цистерн и машин — и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны.

Запомним имя героя — капитана Николая Францевича Гастелло.

П. Павленко, П. Крылов
(«Правда», 10 июля 1941)

Бомбовый залп экипажа Барабанова

...На бомбардировку полетели почти все участники партийного собрания. Самолет лейтенанта Барабанова шел ведущим. В своем экипаже летчик был хорошо уверен. Он знал, что штурман Заяц и стрелок-радист Жаворонков — это люди, на которых всегда можно положиться. Хорошо слетавшиеся, понимающие друг друга без слов, они еще в мирное время заслуженно считались воздушными снайперами. Комсомолец Жаворонков имел сорок пять боевых вылетов в финскую кампанию. Он научился разить врага

без промаха. Коммунист Заяц прославился в эскадрилье исключительной точностью бомбометания.

Бомбардировщики нырнули в облака. Штурманы вели машины, ориентируясь только по приборам. Они старались выйти на цель неожиданно. Но вот с земли заговорили зенитки. Белые хлопья разрывов возникали рядом с самолетом. В любую минуту можно было ожидать появления истребителей. Но опасность только усиливала стремление экипажа поскорее добраться до заданного объекта и сбросить на головы врага смертоносный груз.

Не доходя нескольких километров до цели, лейтенант Барабанов резко пикировал и вышел из облачности. Расчеты штурмана подтвердились: впереди виднелся крупнейший военный объект. И прежде чем враг успел опомниться, прежде чем он привел в действие свою противовоздушную оборону, на этот объект обрушились мощные бомбовые залпы. Уходя на обратный курс, советские летчики видели столбы дыма и пламени. Бомбы сброшены точно.

Возвращаясь, экипаж Барабанова заметил у самой линии фронта скопление фашистских войск. Бомбы все израсходованы.

Звено стремительно ринулось вниз и на бреющем полете пронеслось вдоль опушки леса, поливая фашистов свинцовым ливнем. Налет был настолько дерзким и внезапным, что с земли не раздалось ни одного выстрела.

А. Сапаров, И. Мирский
(«Красная звезда», 10 июля 1941)

Схватка на высоте 6 000 метров

Когда вражеский бомбардировщик пролетал около аэродрома, я поднялся в воздух. Мой самолет быстро набрал высоту, и я погнался за «юнкерсом». Экипаж фашистского стервятника заметил преследование и стал уходить вверх. Догоняя его, я удалился от своей базы на 100 километров. Одновременно достиг высоты свыше 5 000 метров. Стало трудно дышать, пришлось включить кислород.

На высоте в 6 000 метров я нагнал гитлеровских молодчиков и вступил с ними в бой. Несколько раз атаковал я бомбардировщик, но он продолжал лететь. Сделал еще один заход. Дал очередь. Хотел еще раз стрелять, но пулеметы молчали. Оказалось, что патроны вышли все. Это было в тот момент, когда моя машина находилась в 80—100 метрах от хвоста вражеского бомбардировщика.

— Не уйдешь, гадина! — произнес я, но голоса своего не услышал, его заглушал шум мотора.

Увеличиваю газ. Расстояние, отделяющее меня от врага, уменьшается. Вот уже остались два, один метр до хвостового оперения самолета противника, но преодолеть их не могу. Делаю последнее усилие, регулятором оборотов увеличиваю шаг винта. И вот пропеллер моего ястребка уже под хвостом «юнкерса». Начинаю легонько задирать вверх нос истребителя.

Мой самолет ударил винтом по хвосту «юнкерса» и срезал его руль поворота. Вторым приемом я отрубил у врага рули глубины. Бомбардировщик потерял управление и камнем полетел вниз. Два немецких летчика выбросились на па-

рашютах. Они были захвачены в плен нашими наземными войсками.

Сбив противника, я почувствовал, что мой истребитель сильно вздрагивает. «Поврежден винт»,— думаю и сбавил обороты.

Пользуясь запасом большой высоты, я начал планировать в сторону аэродрома. Так пролетел 80 километров и благополучно прибыл на свою базу.

Радио принесло радостную весть: мне присвоено звание Героя Советского Союза. В эти лучшие минуты моей жизни, когда Родина удостоила меня высшей награды, мне хочется сказать:

— Радостно идти в бой и уничтожать врага ненавидимого всем человечеством. Не будет пощады ему!

Клянусь тебе, мой любимый народ, мой дорогой отец товарищ Сталин, то, что я сделал, это только начало. Я буду беспощадно драться с врагами до полного их уничтожения, не щадя ни сил, ни крови, ни своей жизни.

*Герой Советского Союза
младший лейтенант С. Здоровцев
(«Правда», 10 июля 1941)*

Советские пикировщики

Скоростные «мессершмитты-109», патрулировавшие понтонеров, артиллерию, танки и пехоту были бессильны против стремительного натиска советских бомбардировщиков, которые летали быстрее истребителей ранее известных им марок и молниеносно обрушивались вниз с недосягаемых высот, сбрасывая на скопища фашистских войск в районе Десны тяжеловесные бомбы. Тре

«мессершмитта», последовательно атаковавшие на встречном курсе самолет командира подразделения Сироткина, были расстреляны им и с резким разворотом пошли на снижение. Четвертый был подбит штурманом сироткинского экипажа Трегубом. Тройка оставшихся хваленых вражеских истребителей предусмотрительно отскочила в сторону, открыв всем трем волнам самолетов части полковника Кабанова прямую дорогу к намеченной цели. Снаряды фашистских зениток рвались где-то далеко позади: скорость взяла свое — вражеская артиллерия не успевала менять прицелы.

Серия наших авиабомб ложилась на узкую сложную цель — на переправы. Серебряная лента реки была тотчас рассечена языками пламени и охвачена дымом пожаров.

Мстя за поражение, две девятки «дорнье-215», охраняемые «мессершмиттами», напали 7 июля сомкнутым строем на аэродром, где стояла часть Кабанова. Наши пикировщики оторвались от земли из-под града вражеских бомб. Фашисты держались на высоте в 2500 метров, и бомбежка их не отличалась точностью. Пикировщики подразделения тов. Опадчего, набрав высоту, очутились на одном уровне с восемнадцатью «дорнье» и нагнали их. Ударяя на запад, фашисты были похожи на стаю ворон, обуянных страхом. Их и постигла участь ворон, теряющих свои перья под беспощадными ударами ястреба.

Роль ястреба в этом беспримерном и не предусмотренном никакой теорией воздушном бою сыграл самолет старшего лейтенанта Лотенко, командира слетанного дружного экипажа (штурман С. Поляков, радист С. Борисов).

Лотенко круто набрал высоту и пошел над вражескими бомбардировщиками, которые никак не могли ожидать нападения бомбардировщиков же на параллельном курсе. И вдруг в самом центре вражеских девяток высоко взметнулось пламя: штурман Поляков сбросил на них бомбы. Фашистские стервятники разлетелись в стороны.

Это произошло уже на грани с территорией, занятой врагом. Из подбитых и рассеянных «дорнье» сыпались парашютисты. Лотенко снизился до бреющего полета и срезал их мечами пулеметных очередей. А шедшие позади него пикировщики Опадчего и Стерлихова бросили свой груз на танки фашистов.

П. Белявский

(«Известия», 10 июля 1941)

Геройски действовал в бою ефрейтор N-ского стрелкового полка Квашин. Под сильным обстрелом он порвал связь противника. При отходе роты из боя метким пулеметным огнем Квашин сдержал натиск фашистов. Последним оставив место боя, бесстрашный ефрейтор вынес на себе раненого командира роты лейтенанта Аважова.

Батарея меняла огневую позицию. Младшие сержанты Бреев и Попейко и ефрейторы Терещенко и Качаев снимали телефонную линию. В это время их атаквали на бреющем полете два фашистских самолета. Бойцы укрылись и открыли из винтовок огонь по противнику. Один самолет был сбит, второй скрылся.

Хорошо замаскированный танк старшего сержанта Г. Найдина стоял на опушке леса. Советские танкисты выслеживали врага. На дороге показалась колонна фашистских танков. Подпустив их ближе, Найдин с первого выстрела подбил передний танк. Мотор вражеской машины перестал работать, и танк загородил узкую дорогу. Немецкие водители пытались повернуть назад. Но Найдин сбил и сзади идущий немецкий танк. 10 танков из 12 были зажаты в кольцо: впереди и сзади горели танки, а по бокам — глубокое болото. Используя замешательство немецких танкистов, т. Найдин и башенный стрелок Копытов посылали во врага снаряд за снарядом. Так один советский танк уничтожил 12 фашистских танков.

(От Советского информбюро)

Как я сбил вражеский бомбардировщик

*Рассказ Героя Советского Союза
младшего лейтенанта Харитонова*

Двадцать восьмого июня я сидел в дежурной машине на аэродроме. Неподалеку от меня находился мой боевой товарищ младший лейтенант Литаврин. Он тоже нес службу дозора.

Вдруг на горизонте показался силуэт вражеского самолета. Это был пикирующий бомбардировщик «юнкерс-88». Сигнал тревоги, и машина Литаврина взмыла ввысь.

Литаврин подошел к противнику. Насев на хвост бомбардировщика, летчик дал по нему две длинных пулеметных очереди. «Юнкерс»

встряхнуло, но он продолжал лететь. В этот момент я получил приказ подняться в воздух.

Через несколько секунд ястребок был в воздухе. Началась погоня за «юнкерсом». Несмотря на то, что скорость моего самолета исключительно велика, мне казалось, что я лечу очень медленно.

Враг удирал на максимальной скорости, но я его все же нагнал.

Бить бомбардировщик под хвост, в самое уязвимое место, я не мог, так как он сильно прижимался к земле. Пришлось зайти сбоку. Я развернулся и дал несколько очередей. Противник отстреливался. Как потом выяснилось, его пули пробили у моей машины всасывающий патрубок, масляный бак, стабилизатор и элерон. Но, несмотря на эти повреждения, машина хорошо слушалась меня.

Сделав еще несколько заходов, я обнаружил что и у меня иссякли боеприпасы. «Неужели придется отпустить врага безнаказанно?»— с горечью думал я. Расстояние до «юнкерса» не более 30—50 метров, но и оно продолжало сокращаться. Меня осенила мысль: «Винтом, винтом его!»

Дальше все произошло с быстротой молнии. Прикинул: конец винта моего самолета вращался выше кабины и корпуса истребителя. Направил я свою машину чуть ли не впритирку под хвост «юнкерса». Верхний конец винта срубил сначала руль поворота, а затем руль глубины. Над моей головой замелькали куски металла, обрывки проволоки...

Бомбардировщик грохнулся на землю.

Уничтожив врага, я отвалил машину в сторону и благополучно приземлился в районе расположения своих войск.

Восьмого июля 1941 года Президиум Верховного Совета Союза ССР присвоил младшему лейтенанту П. Т. Харитонову звание Героя Советского Союза.

(«Комсомольская правда», 11 июля 1941)

Охотники за подводными лодками

...На упругой вибрирующей палубе катера стоят пулеметчики и комендоры. Зенитные средства у них отличные. Сливаются гул моторов наших и немецких. Тот хочет «пикнуть», эти ловят момент — снизу пропороть птице пузо.

Маневр, другой. Секунда, вираж, поворот — и в какое-то мгновение охотник запускает в небо четыре-пять огненных струй. Секунда, другая... «Есть, дымит!» Птица обвисает и валится вниз... Всплеск, круги по воде, немного пятен от бензина, масла. И все.

...Охотники идут, обследуя море квадрат за квадратом. Отмечены береговые огоньки, курсы мелькнувших вдали кораблей.

— Лодка!

Катер делает легкий поворот. Молниеносные подсчеты. На корме у глубинных бомб стоят готовые к делу.

Бомбы! — первая, вторая, третья... Черные тяжелые цилиндры летят вниз. Они рвутся на заданной глубине. От этих взрывов гаснут на лодке лампочки, корежится аппаратура, вминается обшивка, а при близких разрывах лодка разламывается.

Бомбы! Четвертая, пятая, шестая... Пригнувшись, охотники смотрят за поверхностью.

— Масло!

Так из очередной лодки начали вылезать внутренности. Радист ловит отчаянный, без шифра, радиопризыв лодки.

«Бомбы!» Еще четверть часа, и все кончено...

Вс. Вишневский

(«Правда», 11 июля 1941)

Разгорается пламя всенародной партизанской войны

...В Березинском районе 4 июля партизанский отряд в 100 человек произвел нападение на немецкую мотопехоту, расположившуюся биваком в белорусском селении и занявшуюся, по обыкновению, грабежом. Сто пятьдесят фашистских грабителей было убито партизанами; остальные рассеяны.

Другой партизанский отряд устроил в лесу засаду. По дороге двигались танки противника. Партизаны залегли в густой траве и кустах близ самой дороги. Когда танки фашистов поравнялись с тем местом, где поджидали их партизаны, навстречу полетели бутылки с горящим бензином. Восемнадцать немецких машин сгорело в этой беспримерной схватке.

Третий партизанский отряд взорвал мост на реке Птичь. Немецкие фашисты наткнулись здесь на меткий огонь партизан. Целый день партизаны сдерживали продвижение врага, подтянувшего сюда значительные силы.

В Несвижском районе крестьяне, пылающие огнем священной ненависти к немецким фашистам, разобрали железнодорожный путь, а рельсы утащили лошадьми в болото, в лес.

В Полоцком районе отряд в 65 смельчаков сжигает немецкие танки, расстреливает немец-

кую пехоту на дорогах и в селах. Секретарь Домбровского райкома партий тов. Гончаров вместе со всей своей парторганизацией устраивал одну засаду за другой, беспощадно уничтожая немецких насильников. Окруженная кольцом врагов, вся парторганизация билась до последнего и погибла в неравном бою смертью храбрых.

Четыре дня тому назад три немецких танка ворвались в город Пинск. Фашисты не рассчитали, у них кончилось горючее. Танки остановились на площади. Пинские партизаны вмиг окружили немецкие машины. Ловкие и сильные удары кувалдами по стволам пулеметов, и фашисты уже не могут стрелять. Но их защищает броня. Как же добраться до них? Кряжистые пинские молотобойцы и кузнецы в десятки кувалд и молотов начали лупить по броне танков. Вскоре не выдержавшие этого своеобразного испытания грохотом немецкие фашисты сдались...

Вл. Ставский

(«Правда», 12 июля 1941)

Ремонт... на вражеском аэродроме

Удивительное приключение пережил на-днях смельчак-истребитель Подкрытов, награжденный за свои подвиги орденом Красной Звезды.

Взлетев со своего аэродрома, он вступил в бой с двумя вражескими истребителями. Бой происходил над территорией противника. Подкрытов сбил фашистский самолет. Но в ту же минуту он почувствовал, что его собственная машина плохо слушается рулей — в воздушном бою она получила повреждения. Нужно идти на посадку, иначе — гибель.

Подкрытов снизился и стал искать место для посадки. Как быть? Ведь это территория противника! Долго размышлять не приходилось — самолет тянуло к земле. Неожиданно Подкрытов увидел недалеко странный аэродром, на котором не было ни одного самолета. Он решил приземлиться на пустынном вражеском аэродроме. Тишина. В траве виднелись свежие следы от колес самолетов, но кругом ни души.

Сгустились сумерки. Наступила темнота. Подкрытов быстро и энергично ремонтировал самолет. С восходом солнца он взлетел, и мотор торжествующе запел в утреннем воздухе. Так и вернулся на свой аэродром Подкрытов. Друзья, считавшие своего товарища уже погибшим, устроили ему горячую встречу...

...В тот же день истребитель Подкрытов вел новый бой и сбил еще один самолет.

Мих. Розенфельд

(«Комсомольская правда», 13 июля 1941)

Стальные нервы

...Шесть «хейнкелей» снова попытались напасть на аэродром. Но пять истребителей под командой Хроменкова ринулись на бомбардировщиков снизу, разбили строй и начали добивать их поодиночке. Один за другим, два «хейнкеля», объятые огнем, полетели на землю. За третьим гнался Хроменков. Уже далеко от своего аэродрома он догнал его и, придавив к земле, расстреливал до тех пор, пока бомбардировщик не рухнул на лес.

Возвращаясь на аэродром, Хроменков вдруг увидел мчащиеся к аэродрому четыре немецких истребителя «мессершмитт».

Хроменков дал знать о том летчику-истребителю Вознесенскому и вместе с ним ринулся вперед. «Мессершмитты» повернули в сторону, Хроменков гнался за ними, набирая высоту. Справа выросли густые белые облака. Из предосторожности летчик свернул в сторону. В это время из-за облака появились три фашистских истребителя.

Хроменков сжал зубы:

— Собаки, из подворотни бросаетесь!

С этими словами он повел машину навстречу врагу. Вдруг несколько пуль пробили фюзеляж, бак. Перед лицом вспыхнуло яркое пламя. Хроменков с трудом перевалился через борт и бросился вниз.

Фашистские истребители заметили летчика, перешли в пики и, приближаясь, начали обстрел из пулеметов. Хроменков падал, не раскрывая парашюта. За ним с ревом неслись истребители. Земля приближалась. Казалось, еще мгновение, и парашютист и самолеты ударятся о землю.

Чьи нервы окажутся крепче?

Первыми не выдержали «мессершмитты». Взревев, они вышли из пики. И в ту же минуту Хроменков раскрыл парашют. Желтеющее поле, маленький перелесок, будка железнодорожного сторожа были совсем под ногами. Приземлившись на краю оврага, Хроменков погрозил кулаком в небо и пошел в сторону своего аэродрома.

И. Котечко

(«Комсомольская правда», 13 июля 1941)

Подвиг путевой обходчицы

Стахановка — путевая обходчица прифронтной дороги тов. Сверковская вышла на очередной осмотр пути. Неожиданно она услышала звук

мотора. Из-за леса показался фашистский бомбардировщик, направлявшийся прямо на железнодорожное полотно. Самолет начал кружить над будкой путевой обходчицы и, поравнявшись с нею, сбросил бомбу. Затем воздушный бандит начал бомбить железнодорожное полотно. Одна из бомб повредила путь.

— Надо скорее предупредить станции,— решила тов. Сверковская. Не заглянув даже в разрушенную будку, обходчица быстро побежала к блок-посту.

А в разрушенной будке оставались двое ее детей.

Обходчица Сверковская честно выполнила свой долг перед Родиной: она успела предупредить станции о случившемся, и ни один поезд не был выпущен на перегон. Ее мужественный поступок спас много человеческих жизней и ценные грузы.

Когда тов. Сверковская вернулась к своей будке, она застала одного своего ребенка мертвым, другого тяжело раненным. Сердце матери сжалось от горя.

(«Правда», 13 июля 1941)

На Констанцу!

1. К румынским берегам

Штиль.

Над морем непроглядная ночь.

Фосфорится взбудораженная винтами вода, пенится, вскипает пузырями за кормой, с шумом бросая по сторонам фонтаны брызг. Все стремительней ход корабля. И кажется стоящему на мостике командиру Мельникову и артиллеристу

Хулге, что ветер вовсе не стихал, что он по-прежнему резок и свеж.

— Скоро начнет светать,— сказал командир.

— Наблюдение усилить,— перегнувшись с мостика, передал капитан-лейтенант Хулга краснофлотцам Ендовицкому и Доронину.— Заметьте берег, немедленно доложить.

— Есть немедленно доложить!

И опять бинокли наблюдателей и сигнальщиков шарят по кромке горизонта, по безлунному небу, по черной заштилевшей воде.

Тихо.

— Не ждут,— заметил командир.

И в это время кто-то из наблюдателей доложил:

— Вижу берег!

С наступлением рассвета серая береговая полоса проступала все отчетливее. Теперь уже можно было в общих очертаниях разобрать и маяк, и крыши домов, и замаскированные вышки нефтяных баков.

На корабле раздался сигнал боевой тревоги. Смогли разговоры, бойцы у орудий насторожились.

Старший политрук Фомин спустился с мостика. Он отыскал секретаря партийного бюро главного старшину Яновского.

— Задача ясна?

— Так точно, товарищ старший политрук.

— Мы должны уничтожить немецкие баки с горючим. Я думаю, коммунисты, как и всегда, покажут пример.

Фомин переходил от поста к посту.

2. Баки горят

Старший краснофлотец комсомолец Крапин по приказанию управляющего огнем нажал кнопку,

и мощный орудийный залп потряс воздух. Корабль чуть дрогнул, качнувшись на левый борт. Орудия были мгновенно заряжены вновь. Старшина второй статьи Куцев приготовился к очередному залпу на две с половиной секунды раньше установленного срока.

Озаряется вспышками палуба. Со свистом проносятся снаряды.

На берегу поднялись огненные столбы, и дым пожара начал застилать Констанцу.

Через несколько залпов Хулга заметил на берегу причудливой формы диски. Сомнения не было.

— Замаскированные баки!

Хулга приказал наводить по ним. Баки вспыхнули, как гигантские костры.

В это время между кораблем и берегом поднялся столб воды. По кораблю открыли огонь фашистские батареи.

Дав несколько залпов по вражеским батареям, Хулга опять перенес огонь на серые круглые крыши баков. Снова взвились к небу языки пламени.

У пятого орудия старшина второй статьи Суботин восторженно крикнул:

— Баки горят!

Репродукторы передавали по кораблю: «Баки горят!»

Но вот слева на берегу вновь вспыхнули огни. В бой с кораблем вступили две крупные береговые батареи врага, разрывы снарядов приближались к кораблю.

Послушный голосу командира, рулевой Леонов мастерски перекладывает руль. Рвутся в стороне от корабля фашистские снаряды.

Боевой приказ выполнен. Корабль ложится на курс отдыха. Но и теперь не ослабевал артил-

лерийский огонь. Старшина первой статьи Заика и старшина Субботин из кормовых орудий посылали залпы по батареям врага.

Сигнальщики увидели, как со стороны Констанцы вышли три эсминца. Они пробирались вдоль берега, обходя свое минное поле. Вместе с береговыми батареями они начали беспорядочную стрельбу. Но открытого боя эсминцы принять не решились.

Хулга вышел из башни. Он знал, что враг попытается сейчас ввести, кроме артиллерии, и другое оружие против советского корабля.

— Трофименко! — крикнул он.

Командир отделения пулеметчиков появился перед капитан-лейтенантом.

— Принесите ручной пулемет.

Пулеметчик понял: командир боевой части готовится к отражению торпедных катеров. Через минуту в руках Хулги был ручной пулемет.

3. В раскаленном котле

В котельном отделении ровно гудят форсунки, полыхает в топках желтоватое пламя. Обливаясь потом, котельные машинисты молча прислушиваются к работе насосов, вентиляторов, к действию каждой форсунки. Здесь привыкли понимать друг друга без слов, по скупым жестам рук, по взгляду, по свисту.

На управлении горением заднего фронта котла стоял комсомолец Гребенников. Неожиданно пар начал садиться. Значит, лопнула трубка. Он мгновенно выключил форсунку, снизил давление в нефтяной магистрали.

Командир отделения Бондаренко приказал ему открыть лаз топки и осмотреть трубки. Гребенников щекой припал к палубе — лопнула трубка во втором ряду. Надо немедленно действовать.

С верхней палубы кто-то принес асбестовый костюм. Гребенников начал одеваться. Ему заботливо помогали краснофлотцы Резников, Козлов и Даниленко. И когда он был уже одет, врач смазал его лицо вазелином и забинтовал голову, оставив узкие щели для глаз.

Спустили воду. И теперь в раскаленное нутро котла должен проникнуть он, Гребенников, и заглушить лопнувшую трубку.

Секретарь партбюро Яновский приготовил заглушки. Гребенников взял их и влез в полыхавший жаром паровой коллектор. Он нашел ощупью отверстие лопнувшей трубки и, вставив заглушку, забил ее кувалдой. Краснофлотец затаивал дыхание. Временами он высовывал голову и, отдышавшись, лез снова. На животе проник он потом в водяной коллектор. Краснофлотец Тарасов лил на него из шланга воду, и она, нагреваясь, стекала горячей струей по асбестовому костюму, по забинтованной голове.

В коллекторе от воды образовывался пар. Гребенников знал, что если он ослабнет, то никто его не в состоянии будет вытащить. Он торопился. За семь минут заглушка была поставлена. Марля моментально высохла, и, когда голова прикасалась к стенкам котла, он слышал, как трещали волосы, и лицо обдавало горячим паром.

Котел был введен в строй.

4. Отражение атаки врага

Солнце уже высоко поднялось над морем.

— Бдительно следить за воздухом! — приказал наблюдателям Хулга. И не успел он договорить, как один из сигнальщиков доложил:

— Правый борт, курсовой 80... самолеты врага.

На большой высоте шли два самолета. Моряки

узнали в них двухмоторные пикирующие бомбардировщики.

— Открыть огонь!— передал с мостика лейтенант Беспалько.

Дружно ударили зенитные орудия.

Верхний бомбардировщик качнулся и пошел в пике. Не выходя из стремительного падения, он последний раз сверкнул на солнце черными мазками свастики и погрузился в воду.

Зенитчики перенесли огонь на другую машину, и со второго залпа она, повернувшись, тоже упала в воду.

Наступило минутное затишье.

Сигнальщики без усталости следили за утренним небом.

Вскоре снова раздался голос:

— Самолеты!

Самолеты серебрились в утренних лучах солнца.

Маяр Василенко и строевой Хлынин мгновенно устанавливали трубки. Заградительный огонь преградил путь. Самолеты отвернули от курса и бросили бомбы в море.

Томила наступившая жара, но снять бушлаты было некогда.

Вот снова с правого борта показались два фашистских самолета. Орудия дали несколько залпов, и один самолет пошел на снижение. Атаки в воздухе не прекращались. Как коршуны, подступали бомбардировщики. Не умолкая, гремели орудия, рвались в воздухе снаряды.

Самолеты врага не выдержали ураганного огня и рассыпались по небу. Они начали атаковать корабль поодиночке. И каждый раз огонь зениток отгонял их.

Потом самолеты исчезли. Молча вели наблюдения на корабле.

Хулга красным флажком указывал зенитчикам на мелькнувшие тени бомбардировщиков. Гул выстрелов опять слился в единый звук.

Краснофлотцы восторженно следили за боевой работой зенитчиков. Один из самолетов пытается зайти то с одной, то с другой стороны. На нем сосредоточили зенитчики огонь. Он сворачивает и заходит в новую атаку. Зенитчики били с ожесточением. Самолет качнулся и пошел на посадку.

На смену ему летело еще звено. Налетчики заходили в атаку со стороны солнца. Хулга оглядел зенитчиков. Те ждали его команды. И Хулга поднял красный флажок.

Раздались залпы.

Зеленые шары вспыхивали и потухали в ослепительном блеске востока. Вся зенитная артиллерия, пулеметы стреляли теперь по блестящему диску солнца. Самолеты не появлялись. Сигнальщики увидели их уже вышедшими из атаки в стороне.

— Не удалось и не удастся!

Не успели отбить атаку самолетов, как к кораблю устремились белые нити — след торпед. Командир корабля резко повернул, и торпеда прошла за кормой. Вот Мельников снова делает отворот, и новая торпеда проходит теперь уже впереди, по курсу.

Опять над морем появились самолеты.

Главным летел к кораблю огромный четырехмоторный бомбардировщик в сопровождении истребителей. Зенитчики изготовили орудия, но Хулга держал красный флажок опущенным. Он видел нетерпение артиллеристов, их лица были в копоти и грязи, белки глаз светились на задубевших лицах. Хулга всматривался в очертания машин, и складки на его переносице посте-

пенно расправлялись. Летел наш, свой, родной тяжелый бомбардировщик. Покачивая могучими крыльями, он сделал круг над кораблем, передав: «Вы находитесь в районе подводных лодок врага».

Самолеты скрылись. В воде опять закипели следы торпед. Артиллеристы открыли огонь. Ныряющие снаряды вздымали столбы воды. После четвертого выстрела поднялся клуб черного дыма и лодка больше не появлялась.

5. Родная земля

Корабль с победой возвратился к берегам земли. Через несколько дней на юте собрался весь личный состав. С глубоким волнением они слушали выступление по радио товарища Сталина. И здесь же было решено послать письмо в Москву, к тому, кто вдохновлял бойцов на бой, с чьим именем они одержали победу

Письмо начиналось словами:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

В бою с врагом мы испробовали свои силы, проверили свои ряды. Наши артиллеристы хладнокровно и метко вели огонь по военным объектам Констанцы, предав их огню и разрушению. Наши зенитчики метко стреляли по вражеским самолетам, отправив три из них на дно нашего Черного моря. Мы точно выполнили приказ командира.

Мужественно и стойко сражались с врагом артиллеристы: капитан-лейтенант Хулга, лейтенант Беспалько, старшины 2-й статьи Шейн, Куцов, Татаринцев, краснофлотцы товарищи Наволочный, Дьячков, Механин и котельные машинисты: инженер капитан-лейтенант Вуцкий, воентехник 2-го ранга Чередник, главный стар-

шина Яновский, краснофлотцы Гребенников, Каиров и многие другие.

Прослушав вашу речь, нам всем хочется сказать одно: в этой борьбе народа с фашистскими варварами советские моряки займут подобающее им место.

Мы готовы на бой! Наши ряды не дрогнут ни перед какой вражеской силой».

Л. Коробов, А. Баковиков
(«Правда», 13 июля 1941)

Выдержка

Участники боев на фронте рассказывают о методах действий передовых фашистских отрядов, задачей которых является «молниеносный прорыв» расположения противника.

— Все дело в спокойствии и выдержке,— говорит капитан С.— Ни в коем случае не надо переоценивать врага. Надо присмотреться, понять, каким методом он действует, и найти свои контрмеры.

В практике боев все оказалось несколько проще, чем мы ожидали. Тактика наступления у гитлеровцев одинакова. Она главным образом рассчитана на психологическое воздействие, на создание впечатления, что на вас надвигается огромная, неудержимая и стремительная сила с мощными огневыми средствами.

Как действуют гитлеровцы?

На участок, намеченный для прорыва, они кидают отряд мотоциклистов. Мы с ними ознакомились. Это молодые люди, почти мальчишки, лет по 18—19, оголтелый, готовый на все, но не очень устойчивый элемент. Кое-кто и под

спиртной «зарядкой» для отваги... На хорошей скорости — километров 70—80 в час, как позволяет местность, — они мчатся по дороге или по полю, непрерывно поливая из пулеметов все перед собой. Стрельба страшная, слов нет, сплошной треск стоит, грохот... Но толку в ней мало. На этой скорости мотоциклист мало что перед собой видит, да и задача его совсем другая: навести панику.

Мы приловчились снимать их с машин точной и, главное, спокойной стрельбой. Удивительное дело: такой, казалось бы, бешеный наступательный порыв, а стоит упасть десятку передних, как все вместе «молниеносные войска» так же молниеносно поворачивают обратно... и газуют по способности. Заметьте себе на всякий случай: на повороте еще удобнее поймать их очередью из автомата.

После первой такой атаки мы ночью хозяйственно занялись нашим «предполем». Нарыли простеньких канавок, неглубоких, шириной не более полуметра (шире они заметней). Кое-где повалили деревья, мобилизовали еще всякую «технику», нехитрую и доступную любому партизанскому отряду, любой воинской части, любой деревушке: камешки, рогатки, всякую неприятность. Перекрыли этим все дороги, тропинки, напортили поле.

Следующий удар оголтелых юношей, что называется, «не состоялся».

Об атаке пехоты. Тактика та же самая — моральное воздействие. Бешеный огонь из автоматов, быстрый, напористый шаг, порой бег, дикий хриплый крик: «Хох! Хейль!» — для подбадривания себя и для устрашения противника. Но опять та же история... Огонь, как говорится, «с пуза». Стреляют в разнообразном направлении,

упершись прикладом в бедро, на ходу. Впечатление такое, будто палят, зажмурившись. Задача такого огня? Создать впечатление огневого шквала, который подавить невозможно. Вызвать в противнике перелом, панику, слабодушие, растерянность.

Против этого тоже первое средство — спокойствие и выдержка, прицельный, точный огонь. Ты укрыт, эта дикая на слух стрельба по существу мало опасна. Выбирай противника, сажай по пуле каждому в грудь. Помни одно: твой точный выстрел стоит сотни пуль этого театрального «шквала».

И тот же результат: как только фашисты почувствуют упорную оборону, прицельный огонь, как только увидят десяток-два падающих рядом с собой крикунов, — залегают; атака не состоялась...

Тогда надо идти нам в красноармейскую, советскую контратаку.

Выяснилось, что они контратак не терпят. Эта банда, привыкшая к эффекту своего «мощного удара», серьезного противника не выдерживает. Поднимаются фигуры. Тут не забудь, приостановись и дай пулю в спину. Порой поднимет руки, такой же дикий крик: «Шисс ништ!» — «Не стреляй!»

Все эти штучки с бешеным огнем из автоматов и пулеметов с мотоциклов рассчитаны главным образом на «мораль»: дезорганизовать бойцов, навести ужас и панику, сорвать стойкий прицельный огонь, опрокинуть части и расчистить дорогу, врезываясь клиньями в расположение противника.

Вывод? Ясный.

Не поддаваться на этот театральный эффект с мощной, но беспорядочной стрельбой. Стро-

ить на участке обороны препятствия, спокойно и твердо встречать атаку.

— Ты лежи, будто в кино их смотришь,— советуем мы друг другу.— Лежи и, присматриваясь, бей на выбор... Не думай, будто эта лавина остановится лишь тогда, когда перебеешь всех. Вовсе нет! Выбеешь из десятка трех — остальные залягут. Тут их и брать...

Гитлеровские солдаты воспитываются в уверенности, что такая, сеющая огонь автоматов, атака неотразима. Может быть, так они и брали на испуг французов и бельгийцев — бойцов храбрых, но не стойких. Наш боец не такой. Ему важно понять тактику противника, важно разобраться, чем враг пытается взять. А раз поняв это, наш боец делает свое дело стойко и точно.

Так мы поняли тактику белофиннов в прошлой войне со всеми их «кукушками», дотами, минами, с ночными рейдами в тыл, поняли и прижали к ногтю. Так прижмем и фашистов. Дело знакомое, красноармейское: понять и бить.

Л. Соболев

(«Известия», 13 июля 1941)

Разгром германских транспортов

Сегодня корреспонденту «Правды» сообщили некоторые подробности морского боя, закончившегося разгромом фашистских боевых кораблей и транспортов.

Вечером 12 июля летчики Краснознаменного Балтийского Флота из подразделения, которым командует тов. Кудрявцев, производя очередную разведку в Балтийском море, обнаружили большой караван немецких транспортов. Этот кара-

ван эскортировался отрядом вражеских боевых кораблей и истребительной авиацией.

Фашистские самолеты непрерывно летали над транспортами с войсками, боеприпасами и различным вооружением.

Первый удар по немецкому каравану нанесла береговая артиллерия. Краснофлотцы и командиры части N вели сокрушительный огонь, метко поражая фашистских пилотов.

Удары артиллерии усиливались с каждой минутой. Тем временем к месту боя мчались наши торпедные катера. Они ворвались внезапно и застали противника врасплах. Они стремительно бросились в атаку, поражая одну цель за другой. На многих вражеских кораблях в результате метких артиллерийских и торпедных залпов вспыхнули сильные пожары.

Ожесточенный бой продолжался всю ночь. Фашистские корабли оказывали сопротивление, но оно быстро подавлялось артиллерией береговой обороны, торпедными катерами и нашей авиацией, которая через ровные промежутки времени наносила бомбовые удары с воздуха. Затем в бой вступили наши корабли.

К утру противник был окончательно деморализован. Весь его отряд сбился с прямого направления. Корабли и транспорты, объятые огнем, перемещались между собой, часть из них погрузилась в воду, часть выбросилась на мель. Миноносцы врага пытались выйти из боя и пуститься в бегство, но их настигали огонь артиллерии кораблей и бомбы славных сталинских соколов.

В результате боя 13 транспортов, одна баржа с танками и два миноносца были потоплены. 13 оставшихся транспортов и один миноносец пылали.

В этом бою краснофлотцы и командиры своим мужеством, доблестью, отвагой и умением обеспечили победу над врагом.

Н. Михайловский
(«Правда», 16 июля 1941)

Противник вел артиллерийскую подготовку перед атакой. Боец Болдаев, заметив, что артиллерийский огонь через определенные промежутки переносится с правой стороны на левую, решил воспользоваться этим. В один из таких промежутков тов. Болдаев выбрался из окопа и пополз по ржаному полю. Закончив артподготовку, пьяные фашисты кинулись в атаку. Тов. Болдаев прополз в тыл вражескому пулемету. Неожиданно напав на немецких пулеметчиков, он заколол штыком троих солдат и офицера. В это время фашисты, отброшенные от наших окопов, побежали назад. Захватив вражеский пулемет, тов. Болдаев начал в лоб расстреливать бегущих немцев.

(От Советского информбюро, 16 июля 1941)

Истребители

...Советские истребители быстроходнее немецких, и наши летчики, умело используя это преимущество, выходят победителями из воздушных сражений.

Младший лейтенант Александр Лукьянов ранним утром дежурил в своей машине. Ракета! Мигом запущен мотор, и самолет летит навстречу врагу.

— На этот раз был,— рассказывает Лукьянов,— двухмоторный «Мессершмитт Ягуар».

Я развернулся влево и пошел на сближение с ним. Немец, как обычно, попытался уклониться от боя, вошел в пикирование, я — следом за ним. Немец открыл огонь, но я занял такое положение, что оказался вне сферы обстрела, и вражеские пули клевали только воздух. Немец перешел на бреющий полет, и я также. Думаю: не уйдешь, тут тебе конец! Немец прибавил скорость, я пустил свой вдогонку. Мой ястребок быстрее его «ягуара». Вот он рядом, кажется, рукой достану. Нажал гашетку, но пулеметы молчат. Гоняясь за врагом, я, оказывается, расстрелял все патроны. Неужели упустить? Нет, пойду на таран!

Молниеносно сложился план действий. Буду бить винтом по левому крылу. Зашел с левой стороны, сбавил газ и — как полосну винтом по левому крылу! Треск. Меня тряхнуло так, что очки съехали набок. Гляжу — «ягуар» делает свой последний прыжок в пропасть.

Потом узнал, что экипаж фашистского самолета, выбросившийся на парашютах, был взят в плен истребительным батальоном. А я свой самолет посадил на три точки.

...Наши истребители обладают более мощным огнем, чем немецкие, и это преимущество советские летчики умело обращают против врага.

Капитан Павел Лебединский при выполнении боевого задания встретил в воздухе «юнкерс-88».

— Завидев меня, «юнкерс» нырнул в облака. Там я его и настиг. Обменялись пулеметной очередью. Сила моего огня, видно, пришлась не по вкусу немцу. Он струхнул, сбросил бомбы на лес и, облегчившись, дал полный газ. Но оторваться от меня ему не удалось. Я подошел на дистанцию в 75—100 метров, нажал на гашетку и дал почувствовать врагу всю огневую мощь

советского истребителя. Враг пытался ответить, но быстро замолчал. Еще секунда — и «юнкерс» вспыхнул и рухнул вниз. В моем самолете оказалось шесть пробоин, которые, однако, не принесли ему никакого вреда. Пробоины заделали, и через час моя машина снова была в воздухе...

Д. Руднев

(«Правда», 17 июля 1941)

Маленькие рассказы о больших подвигах

Саперы взрывают мост

Пехота переходила на новый рубеж обороны. Саперам капитана Ларина приказано было уничтожить большой деревянный мост через реку Б. Немцы, желая помешать взрыву, сосредоточили у моста огонь своей артиллерии и танков, закрывая подходы.

Через мост прошли последние красноармейцы. Пора. В грохоте разрывов боец Драгунцов бросился на мост и поджег приготовленную бочку с бензином. Под завесой пламени и дыма смелый сапер, получивший тяжелые ожоги, побежал к зажигательному шнуру, а затем, прикрываемый огнем товарищей, отполз от моста. За его спиной прогремел взрыв. Взлетели обломки моста, поднялось пламя. Приказ выполнен. Враг не воспользовался переправой.

Пулеметы били безотказно

Смелыми советскими патриотами показали себя в боях с врагами пулеметчики части подполковника Чаганова.

Пулеметчик Тихонов вывел из строя вражью зенитку и минометный расчет, расстрелял в упор

до тридцати немецких пехотинцев. Спокойный, уверенный в безотказности своего пулемета, Тихонов уходил на новый рубеж последним, прикрывая огнем пулемета стрелков.

Когда снаряд врага разбил пулемет, Тихонов, вынудив замок, отошел. По пути к своим, в лесу, он поймал шпиона.

Комсомолец-пулеметчик Чалый, стреляя из укрытия, заметил, что три фашистских танка пытаются зайти во фланг пехоте.

Очередь за очередью замолотили меткие пули Чалого по броне вражеских машин. Опешившие танкисты начали маневрировать, но пули настигали их при всех поворотах и виражах. Не выдержав сосредоточенного огня, танки повернули вспять. Обход не удался. Мужество и упорство пулеметчика сломали боевой пыл трех фашистских танковых экипажей.

Младший сержант Фауфель с бойцами своего расчета Фоменко и Бойко хорошо постояли за родину в боях с фашистскими танками. Замаскировав пулемет, Фауфель подпускал машины вплотную и хлестал меткими очередями по самым уязвимым местам. Два танка вышли из строя. Все три отважных пулеметчика были ранены, но ни один из них не оставил пулемета до конца боя.

Боец-хозяин

Во время боя трактор водителя Бахтиарова загорелся. Бахтиаров выбрался из охваченной пламенем кабины и, рискуя жизнью, бережно собрал все инструменты и запасные части и вынес их в безопасное место.

Геройски вел себя в бою шофер-комсомолец Кушев. Под ураганным огнем он смело вел свою машину. Благодаря его отваге третья ба-

тарей была обеспечена снарядами. В одну из своих поездок Кущев увидел цистерну с горючим. Водителя не было. Умело лавируя между разрывами снарядов и бомб, Кущев вывел цистерну в укрытое место, нашел шофера и, только убедившись, что цистерна спасена, сел за руль своей машины.

Народное добро надо хранить и беречь, как зеницу ока,— вот чему учат поступки Бахтиярова и Кущева.

Противотанкисты

Когда по дороге, лязгая тяжелыми гусеницами, движутся стальные громады танков, а рядом, бесшумные, на роликовом ходу идут маленькие противотанковые пушки, всех поражают мощь и величие одних и кажущаяся беспомощность других.

Первое впечатление обманчиво. Маленькая пушечка в руках смелых, толковых, преданных родине людей — грозный враг танка. Три недели жестокой борьбы с танковыми соединениями фашистов доказали это воочию.

Артиллеристы-противотанкисты капитана Остащенко в первые же дни войны приняли участие в шести боях с немецкими танками. Под огнем с земли и с воздуха маленькие пушки шесть раз вылетали на огневые рубежи впереди пехоты, принимая на себя первые удары закованного в броню врага, отвечая ему сокрушительными ударами.

Редели боевые расчеты. Оставшиеся в строю перегруппировывались, занимали новые рубежи, снова били в упор по броне рвущихся вперед машин. С каждым боем возрастало число подбитых и сожженных фашистских танков.

Маленькие пушки своими залпами разрушали

строй движущихся колонн фашистских танков, разгоняли мотопехоту, ослабляли силу вражьего удара. Ими управляли люди, которые хотели и умели драться за родину.

Недаром в первые же полчаса после объявления войны 14 бойцов и командиров подали в партбюро части заявления о приеме их в кандидаты партии. Они хотели идти в бой коммунистами.

Подпуская танки на близкое расстояние, бойцы расчета сержанта Рябко стреляли в упор по уязвимым местам. Командир орудия Тимченко с наводчиком Кулагой метким огнем встретили ночью наступающие танки, уничтожили несколько машин врага и пулемет. Они заметили собирающихся у домика немецких пехотинцев. Несколько снарядов — и домик запылал, солдаты разбежались. Когда докрасна раскаленное орудие переводили на укрытую позицию, его разбило двумя снарядами. Тимченко собрал раненых и на тракторе вывез их с поля боя.

Близость врага не нарушила слаженности боевой работы расчетов. Рвутся снаряды, свистят пули, вплотную надвигаются танки, а заряжающий Пилипенко досылает в орудие снаряд за снарядом, и, как на полигоне, звучит его юношеский звонкий голос. Сзади орудия разрывается снаряд. Струя горячего воздуха с силой ударяет Пилипенко о землю. Заряжающий поднимается и, пересилив страшную боль, вновь встает на свое место. Надо передвинуться на другую позицию. Горючее в тракторе иссякло. Что же? Бросать орудие? Пилипенко перекачивает из грузовика часть бензина в бак трактора, и орудие переходит на новый рубеж.

Смелость — это преданность, это борьба до последнего снаряда в зарядном ящике, до по-

следней капли крови в жилах бойца. Младший лейтенант Жапарин, наводчик Кутрунов, командир орудия Кривуля, заряжающий Жигалин и другие были ранены, но не ушли со своих мест до окончания боя. Орудийный расчет комсомольца Эпанова бил по вражьи́м танкам до тех пор, пока гусеница не подмяла орудие. Герои-артиллеристы пали в бою. Их смерть дорого обошлась врагу.

Три недели боев — три недели боевого опыта. Он показал, что для подлинных патриотов родины, знающих свое дело, вражий танк не страшен.

Маленькая противотанковая пушка, скромная спутница пехоты, честно работает. Приходящие на фронт артиллеристы-противотанкисты, обогащенные опытом товарищей, сотни раз докажут врагу правильность поговорки: «Мал золотник, да дорог».

А Сурков

(«Известия», 19 июля 1941)

Встреча в лесу

Сержант Мендуров вступил в бой с тремя танками. Два из них он остановил меткими выстрелами в гусеницы, третий застрял в тряси́не. Сержант успел спрятаться, замаскироваться. Теперь надо было, сохранив танк, не потеряв ни одного человека из экипажа, выйти из окружения к своим, вернуться в часть.

Сержант осторожно поднял люк, прислушался. Бой как будто утихал, взрывы и орудийные выстрелы все реже оглашали лесную тишину. Вскоре до слуха Мендурова донесся чей-то стон.

Сержант вылез, пополз, начал обшаривать кусты, высокую траву. Начинало темнеть.

За травой, в узкой борозде, Мендуров увидел политрука Кравченко. Политрук был тяжело ранен и лежал без сознания. Стоны его участились, и Мендурову пришлось приложить руку к губам политрука. Потом танкист достал флягу, напоил раненого водой, перенес его в кусты. Там перевязал три раны, поднес к танку, уложил в наиболее удобном месте.

К лесу приближались бомбардировщики. Под гул их моторов Мендуров приказал завести танк. Стараясь хоть первые минуты пути быть в зоне этого гула, сержант сразу же закрыл люк и двинулся из леса, по кустарникам, к своим частям.

Самолеты заметили советский танк, начали его обстреливать, преследовать. Мендуров сную спрятался в лесу, не останавливая мотора, осматриваясь кругом. На нем лежала двойная ответственность — предстояло довести танк и, главное, сохранить жизнь политрука Кравченко, которого все любили. Танкисты никогда не простят сержанту, если он не доставит его в часть, в госпиталь. Мендуров вылез из танка, пошел обследовать лес.

«Может быть, есть какая-нибудь тропинка или лесная дорога?» — подумал он.

Сержант не нашел ни тропинки, ни дороги, но сразу же за танком, в кустах, встретил человека. Это был партизан, один из тех, кто ведет непримиримую, не знающую страха и пощады борьбу с врагом в его тылу.

Всюду и везде у партизан есть глаза и уши. Они знают обо всем, что происходит в селах, на дорогах, в лесах. В селе С. партизаны подожгли шесть фашистских танков, расстреляли

их экипажи. Это была месть за неслыханные зверства немецких бандитов, сжигающих целые села. Фашисты насилуют женщин, а потом с величайшим цинизмом расстреливают, рубят их, выкалывают им глаза.

Партизан рассказывал Мендурову, что в двух танках, которые их отряд захватил, оказались мужские костюмы, женские платья, белье, чулки, туфли. Все это было награблено у населения. Местечко Б. было отдано на три дня во власть немецких мародеров, которые очистили все дома, шкафы, сундуки, пристреливая или прикалывая каждого, кто пытался просить оставить хоть что-нибудь, самую малость.

— Как вы оказались здесь? — спросил партизана Мендуров.

Оказалось, что еще днем в отряд донесли о появлении в лесу какого-то танка. За ним начали следить. Вскоре выяснилось, что это советские танкисты, и был выслан он, светловолосый, уже немолодой колхозник, для того, чтобы вывести танк по тайным лесным дорогам.

Мендуров повел танк за партизаном, который показал дорогу в лесу, начертил все повороты и пожелал счастливого пути.

Мендуров к рассвету привел танк к реке. Мост был взорван. Оставались только сваи. Пришлось ждать ночи. Снова целый день танкисты сидели в лесу, по очереди дежурили около раненого политрука. Вечером сержант Мендуров и его экипаж принялись за трудное и рискованное дело. Они решили положить на сваи бревна и по ним пройти на танке к тому берегу. Бревна лежали недалеко от реки, но их нужно было все же подтащить. Всю ночь трудились танкисты, упорно, настойчиво, не отдыхая, не забывая

забежать в танк, проведать Кравченко, дать ему воды, перевязать.

Утром танк сержанта Мендунова по бревнам перешел реку и быстро домчался до своей части. Танкистам пожимали руки, хоть уже начался бой и людям было не до похвал.

О. Курганов

(«Правда», 19 июля 1941)

Упорство

Он пришел в Красную Армию с полей Северного Кавказа. Был ударником в колхозе, взялся по-ударному и за боевую учебу. Во всей роте пулемет Ивана Ванюхова считался лучшим.

Вскоре пришлось испытать этот пулемет в деле. Начались бои с немецкими фашистами.

В жарком сражении пулеметчик Ванюхов вместе с младшим лейтенантом Колесовым, командиром взвода, очутился на фланге своей части и был отрезан противником. Колесов и Ванюхов засели с пулеметом в окоп. На них двигалась многочисленная группа фашистов. Ванюхов хотел было сразу открыть огонь, но быстро сообразил, что надо подпустить фашистов поближе, чтобы побольше уничтожить. Противник был пока на расстоянии 500 метров. Ванюхов не открыл огня. 400 метров... 300... Ванюхов спокойно поставил прицел. Младший лейтенант давал ему указания и сам работал вторым номером, протягивая ленту. Фашисты надвигались.

— Огонь! — скомандовал младший лейтенант полным голосом, как будто управлял целой ротой, и Ванюхов нажал на спуск. Длинная пулеметная очередь скосила первые ряды немцев.

Но враг продолжал наступать, бросая в бой новые сотни солдат. Пулемет Ванюхова работал безостановочно. Фашисты валились десятками.

Вода в кожухе пулемета закипала. Командир и боец сменили воду, долив в кожух запас из собственных фляг. Кожух, однако, был пробит пулями. Вода из него вытекала. Пулемет выходил из строя. А фашисты наступали.

У младшего лейтенанта были две гранаты и пистолет. У Ванюхова — одна граната. Приходилось сражаться этим оружием. Колесов бросил гранаты. Короткое замешательство в рядах врага — и пулеметчики отползли к другому укрытию.

Совсем близко, на расстоянии 35 метров, появилась группа немцев. Ванюхов бросил свою гранату. Она взорвалась среди немцев. Последняя боевая граната сослужила свою службу: почти никто из врагов не уцелел.

Кустарником два отважных пулеметчика добрались до своего батальона.

На другой день батальон вместе с танками снова пошел в атаку. Ванюхов — опять рядом со своим командиром. Вскоре пулеметчик был ранен в руку и ногу. В то же время Ванюхов заметил, что младшего лейтенанта нет рядом с ним. Тяжело раненный, командир взвода лежал на земле. Ванюхов решил вынести его из боя.

— Ползи! — кричит командир, — брось меня, тебя убьют!

Но Ванюхов не мог оставить своего командира. Он подполз к нему. В это время новый снаряд разорвался около них. Колесов был убит. Ванюхов получил третье ранение.

Решимость и мужество не покидали отважного пулеметчика. Он не хотел выходить из боя. На поле боя Ванюхов нашел несколько немец-

ких гранат и брошенный раненым немцем автомат. Он снова вооружился и, преодолевая боль, продолжал из немецкого автомата вести огонь по фашистам.

Но он не хотел покидать поле боя.

Ал. Исбах

(«Правда», 20 июля 1941)

В одном из районов Белоруссии, захваченном фашистами, немцы восстановили поврежденный аэродром. Об этом узнало действовавшее в тылу оккупантов подразделение старшего лейтенанта тов. Сабашникова. Ночью подразделение т. Сабашникова напало на сторожевой отряд, охранявший аэродром. Больше 20 немецких солдат было убито, остальные сложили оружие и сдались в плен. Сдавшиеся в плен солдаты сообщили, что утром на аэродром ожидаются немецкие самолеты. У тов. Сабашникова созрел смелый план захватить самолеты и экипажи. В 5 часов утра приземлилось первое звено немецких бомбардировщиков. Экипажи были захвачены без выстрела. Следующие два звена, увидев на аэродроме фашистские машины, опустились без колебаний. Экипажи этих звеньев самолетов были также захвачены. Подразделение т. Сабашникова уничтожило 9 самолетов, бензинохранилище и склад боеприпасов.

(От Советского информбюро, 20 июля 1941)

Инженерный батальон фашистов наводил переправу через реку Д. Наши части тщательно замаскировались на другом берегу. Когда немцы закончили сооружение переправы, подразделение

подполковника Петрова броском заняло ее. На вражеский берег устремились и другие подразделения. Вскоре переправа была полностью в руках наших войск. В упорном бою вражеский батальон потерял около трехсот фашистов убитыми и ранеными. На поле боя остались десятки вражеских мотоциклов, много припасов и вооружения.

(От Советского информбюро, 23 июля 1941)

Доблесть советских врачей

В первые же дни войны санитарные организации были наводнены тысячами врачей, медицинских сестер, санитарок, требующих, чтобы их послали на передовые позиции.

Можно было бы рассказать множество случаев, когда героизм врачей, сестер, дружинниц спасал сотни человеческих жизней.

В одном местечке, откуда население было благовременно эвакуировано, потому что фашисты бомбили его с маниакальной жестокостью, остались три врача — Баженов, Жилиев и начальник санитарной дружины Каролей. Все они были работниками местной больницы. Через местечко с фронта в вагонах, в автомобилях и повозках провозили раненых, — тут их надо было перегружать и отправлять дальше.

Трое отважных советских людей решили остаться в местечке и помогать раненым. Они взяли из больницы инструменты, перевязочные средства, необходимые медикаменты, заняли железнодорожный буфет и превратили его в эвакуационный пункт. Через несколько часов их уже было не трое, а много больше. На помощь вра-

чам пришли дружинницы из соседних местечек и сел. Так образовались три бригады, которые принялись за работу. С линии огня прибывали раненные. В импровизированном госпитале им не только помогали врачебными средствами, но и мыли их, переодевали в чистое белье, сажали в вагоны и отправляли дальше, чтобы тут же встречать новую партию бойцов, прибывающих оттуда, где шли бои.

По железнодорожному телеграфу врач Баженов связался с дружинницами станции Н., через которую проходили поезда с ранеными. Дружинницы вместе с врачами встречали поезд, помогали раненым, делая все, что было в их силах, и затем в свою очередь сообщали дальше об эшелоне, идущем в глубь страны. Работая без отдыха несколько дней, облегчив участь многих сотен бойцов, эти врачи, наконец, дождались смены. Немного отдохнув, они немедленно снова принялись за работу.

Город Н., в котором был расположен большой санитарный поселок, начали бомбить немцы. Особенно усердно бомбили эти звери именно санитарный поселок, хотя на нем ясно были видны опознавательные знаки. Надо было срочно эвакуировать раненых, медицинское имущество, надо было вывезти врачей, сестер и дружинниц, обслуживавших раненых.

Военврач 2-го ранга Васильев пришел на вокзал, чтобы достать вагоны. Под непрерывной бомбежкой состав был собран и подан к поселку. Началась погрузка. Люди работали, не щадя сил; вокруг них горели некоторые здания, подожженные бомбами и ураганной артиллерийской стрельбой. Стрельба все еще продолжалась, когда эшелон был готов к отправке. Снаряды рвались уже около вагонов; один снаряд попал

в паровоз, который должен был вести состав. Врач Васильев пошел искать другой паровоз. Он наткнулся на старенький маневровый паровоз и машиниста — глухого старика.

Тот подбросил в топку угля, но тут же бросил лопату:

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Бригады нет!

Откуда-то появился младший лейтенант артиллерийской части. Оказалось, что до войны он был помощником машиниста. Артиллерийская часть находилась в том направлении, куда должен был идти эшелон: лейтенант направлялся к своей части. Он с радостью взял лопату. Паровоз скоро был прицеплен к эшелону, и через некоторое время весь поезд уже был за пределами опасности.

Мы знаем врачей и санитаров, вытаскивающих на своих плечах раненых из боя или перевязывающих их под смертоносным огнем. Мы знаем сотни тысяч доноров-добровольцев, отдающих свою кровь тем, кто потерял ее в бою.

Нельзя словами передать все величие их доблести.

Н. Вирта

(«Известия», 24 июля 1941)

Храбрость и находчивость проявил красноармеец Оленев. Во время разведки вражеского тыла он заметил на опушке леса 3 немецкие автомашины с боеприпасами. Около машин на траве лежали 12 фашистских шоферов и солдат. Переползая от дерева к дереву, т. Оленев подкрался к врагу на 25 метров и бросил в автомашины одну за другой пять гранат. Одна из гранат попала в боеприпасы, сложенные на одной из ма-

шин. Взрывом огромной силы уничтожены все немецкие машины и солдаты.

(От Советского информбюро, 25 июля 1941)

Две строки оперативного донесения

Вчера на нашем участке фронта произошли два события, которым лаконичное оперативное донесение уделило только две строки: «Разгромлен штаб 16-й германской дивизии. Сдался в плен словацкий полк».

Вот при каких обстоятельствах произошло первое из упомянутых в донесении событий.

...Донесение разведки получено было во-время. Спустя два часа, когда небо заволжлось тучами и сгустилась темнота, наше пехотное подразделение при поддержке легкой батареи выступило по направлению к селу О.

Успех операции целиком зависел от внезапности нападения. Только стремительным ударом можно было решить задачу, поставленную перед бойцами подразделения. Следовало застигнуть противника врасплох, чтобы он не успел уничтожить оперативные документы.

В полной тишине, прячась в хлебах, бойцы окружали село. В ночной тьме нельзя было даже на расстоянии десяти шагов уловить их движение.

По сигналу командира подразделения с трех сторон ворвалось в село.

Штаб был застигнут врасплох. Батальон охраны и саперная рота пытались оказать сопротивление, но продержались только несколько минут и разбежались, оставив 400 мотоциклетов и автомашин.

Разбежался и штаб, бросив в занимаемых им хатах свое имущество и документы. Штабисты выскакивали из окон и улепетывали во все стороны. Тех, кто не успел удрать, частью уничтожили, а частью захватили в плен. Среди 300 пленных оказалось 8 офицеров штаба и 10 офицеров штабного батальона, батальона связи и прикомандированных к дивизии из штаба корпуса.

Ночной налет на штаб дивизии увенчался полным успехом. Досаду у бойцов вызвало лишь то обстоятельство, что командир дивизии и начальник штаба ускользнули.

— В следующий раз,— говорят бойцы,— им не удастся выскочить. Догоним.

Второе событие, о котором упоминается в дописании, произошло на соседнем участке фронта в районе селения М.

Здесь наше пехотное подразделение держало оборону, прикрывая перегруппировку частей. Противник несколько раз пытался прорвать линию обороны. Наши бойцы твердо удерживали свои позиции.

В течение двух дней шел бой. Затем наступило внезапное затишье. Немцы, привыкнув за два дня встречать лишь сопротивление, но не подвергаться самой атаке, не ожидали в это утро проявления наступательной активности с нашей стороны.

Внезапный контрудар нашей пехоты, двинувшейся в штыковой бой, вызвал панику в стане врага. Беспорядочная стрельба не могла остановить красных бойцов, атаковавших противника.

Когда до позиции немцев осталось не более 100 метров, красноармейцы увидели, что боль-

шие группы солдат, побросав оружие, разбегаются в разные стороны. Некоторые из них, подняв руки, двинулись навстречу атакующим.

Видно было, как с флангов немецкие пулеметчики, отступая, открыли огонь по своим разбегающимся солдатам. Офицеры указывали им на солдат, бегущих по направлению к нам. Слышно было, как офицеры ругаются и вопят:

— Файер, файер! (Огонь.)

А солдаты, пригибаясь к земле, припадая к кустарникам и кочкам, прячась во ржи, ползли к нам.

Подбежав к передовой цепи наших бойцов, солдаты в немецкой форме подняли руки и закричали на ломаном украинском языке:

— Не стріляйте, ми не німци, ми словаки.

Это были солдаты словацкого полка, который входил в состав немецкой пехотной дивизии.

Немцы, выдвинув словацкий полк вперед, поставили позади и на обоих его флангах свои регулярные части. Окружив словацких солдат, держа их под угрозой пулеметов, фашисты пытались заставить их воевать против нас.

Но при первом же непосредственном соприкосновении с Красной Армией словацкие солдаты бросили оружие, не желая проливать кровь за Гитлера, поработившего их родину.

И. Осипов

(«Известия», 26 июля 1941)

Дружинница

Разведка собиралась в деревушку, которая за последние сутки несколько раз переходила из рук в руки. Сейчас там орудовали немцы. Лейтенант, назначенный командиром разведки, полу-

чал в штабе указания. В это время на пороге появилась невысокого роста женщина в шинели и красноармейской пилотке.

— Разрешите обратиться,— сказала она,— вытянувшись перед начальником штаба.— На земле, захваченной фашистами, осталось несколько раненых бойцов. Они должны быть на опушке леса в кустах. Я их спрятала в надежном месте.

Как только стемнело, разведчики вошли в лес. Двигались скрытно, от дерева к дереву, от куста к кусту. Вместе с ними пробиралась и дружинница Клава Павлова.

Вот и знакомая опушка леса. Клава подала лейтенанту сигнал и свернула вправо. Высокая трава скрывала ее фигуру. Она подползла к кустам, раздвинула зеленую листву и негромко окликнула раненых:

— Товарищи бойцы!

Ее голос моментально узнали и отозвались:

— Мы здесь, сестрица дорогая.

Клава залезла в кусты. Пять раненых бойцов лежали один возле другого.

Она осторожно подняла себе на спину бойца, тяжело раненного в бедро, а оставшихся предупредила:

— Недалеко сторожевое охранение фашистов. Лежите тихо, пока я вновь не приду.

Она выбралась из кустов, опираясь на крепкие, мускулистые руки, пересекла поляну и ползком двинулась дальше. Она напрягала все мышцы, чтобы не делать рывков, а ползти осторожно, равномерно, не причиняя боли раненому бойцу.

Доставив раненого к передовому санитарному посту, сестра тем же путем возвратилась, забрала второго, потом третьего, четвертого, пятого раненого.

Не первый подвиг совершает славная дружинница Павлова. Однажды во время сильного боя неподалеку от того места, где она перевязывала раненого, разорвался снаряд, образовалась глубокая воронка. Клава пригнулась к земле и осталась невредимой. Воронка же от снаряда пришлась ей очень кстати. Из-за сильного огня было опасно выносить раненых с поля боя, и Павлова разместила в воронке всех бойцов, перевязала их, напоила водой.

Несколько дней назад на передовые позиции приехал маршал Советского Союза тов. Ворошилов. Он обратил внимание на смелую дружинницу, подозвал ее к себе и похвалил за самоотверженную работу.

Н. Михайловский
(«Правда», 26 июля 1941)

Соединение катеров капитана-лейтенанта Кубышкина успешно высадило десант на остров «К» в гирле Дуная. Враг считал этот остров неприступным. Остров был укреплен двумя линиями обороны с многочисленными новейшими орудиями, минометами и станковыми пулеметами. Десант был высажен под прикрытием нашей береговой артиллерии и орудий десантного отряда под руководством старшего лейтенанта Денисенко. На острове «К» разгорелся ожесточенный бой. Через три часа после начала операций остров был взят. Захвачено много орудий и пулеметов, а также боеприпасы и другое снаряжение.

(От Советского информбюро, 26 июля 1941)

Храбрецы

Подразделение младшего лейтенанта Савченко не выходит из боя. И командир, и бойцы неутомимы.

Вот младший сержант Бордун. Случилось, что он наскочил на засаду немцев. Немцы, укрытые в окопе, видя, что Бордун один, закричали ему на ломаном русском языке: «Рус, сдавайся!» Познания в русском языке мало помогли фашистам. Бордун метнул гранату во вражеский окоп. Раздался взрыв, послышались вопли. Не дав противнику опомниться, отважный сержант вскочил в немецкий окоп, заколол штыком шестью и благополучно ушел.

Красноармеец Котов, столь же бесстрашный, как и Бордун, вступил в схватку с пятью немцами. Трое из них были уложены отважным бойцом на месте, а двое побежали.

Командир взвода Шаляпин, посланный со взводом на разведку, не только выполнил свое боевое задание, но, столкнувшись с немцами, застрелил двух из нагана и двух, в том числе одного унтер-офицера, захватил живьем.

И. Бражнин

(«Правда», 27 июля 1941)

Бойцы и командиры энского соединения разгромили германскую пехотную дивизию. Сообщаем некоторые подробности этого разгрома. Одна из вновь подведенных фашистских дивизий начала наступление против наших войск. Командование соединения решило задержать наступающую дивизию и окружить ее для полного уничтожения. К концу первого дня боя немцы,

не выдержав энергичных ударов советских войск, были вынуждены перейти к обороне и окопаться. В это время танки и мотопехота полностью завершили окружение германской дивизии. Рано утром над германской дивизией показались эскадрильи советских бомбардировщиков. В фашистов полетели сотни бомб. Враг пустил в ход всю противотанковую и другую артиллерию и сделал отчаянную попытку вырваться из окружения, но всюду встретил артиллерийский и пулеметный огонь. Наши противотанковые орудия подбили 20 немецких танков и танкеток. Чтобы спасти дивизию от верной гибели, немцы предприняли ряд атак с фронта, но с огромными для них потерями были отброшены. Огонь и сопротивление окруженной дивизии слабели с каждым часом. К концу вторых суток боя наши войска перешли в наступление. Группы наших танков подавили остатки артиллерийских батарей и пулеметных гнезд противника. На пехотные части германской дивизии бросились наши танки и славные пехотинцы. Машины на огромной скорости давили гусеницами и расстреливали в упор фашистских солдат.

По предварительным данным 4 000 немецких солдат и офицеров нашли могилу на поле боя. Наши санитары подобрали около 3 500 раненых немцев. Взято большое количество пленных. Уничтожено несколько десятков танков, много автомашин и мотоциклов, 40 противотанковых орудий, 12 тяжелых и 8 легких орудий и 20 минометов. Остатки разгромленной дивизии в панике обратились в бегство.

(От Советского информбюро, 27 июля 1941)

Героически борются украинские партизаны против фашистских войск. Член правления колхоза им. 14-летия Октября замечательный снайпер т. А., обстреливая с деревьев врагов, систематически выводит из строя фашистский командный состав. Бесстрашный партизан уже уничтожил 32 немецких офицера. Партизан Андрей Кондратьев пробрался в помещение штаба немецкой части и бросил гранату. 7 офицеров убито и 9 ранено. От взрыва геройски погиб и сам юный патриот.

Партизанский отряд, которым командует мастер завода т. Д., уничтожил охрану и минировал мост через реку С. Немецкий поезд, состоящий из 26 цистерн с бензином и маслом, взорвался и полетел в воду.

(От Советского информбюро, 27 июля 1941)

Группа самолетов капитана Цурцумия бомбила нефтеперегонные заводы Плоешти. Обманув вражескую оборону, наши самолеты вынырнули из-за облаков прямо на нефтеперегонный комбинат. Сброшенные бомбы вызвали огромные пожары. Налет был настолько неожиданным, что вражеская зенитная артиллерия открыла стрельбу только тогда, когда самолеты уже пошли на свою базу. На обратном пути летчики части капитана Цурцумия сбили два фашистских истребителя.

(От Советского информбюро, 29 июля 1941)

Энская танковая часть совершила глубокий рейд во вражеский тыл. В одном из сел танкисты обнаружили десятки фашистских автомашин

и склады с боеприпасами. Подразделение лейтенанта Пирожкова на полном ходу ворвалось в село и гусеницами начало давить вражеские машины. Уничтожив 60 немецких автомобилей, танкисты подожгли артиллерийский склад и бензиновую цистерну. На обратном пути подразделение тов. Пирожкова внезапно ударило по немецкой автоколонне у села И. Колонна была рассеяна. Захвачена радиостанция, много мотоциклов, легковых и грузовых машин. Дороги в районе села усеяны сотнями трупов немецких солдат. Среди убитых командир 135 германского полка майор Брухно.

Немецко-фашистские войска, действующие на смоленском направлении, несут крупнейшие потери людьми и вооружением. Несколько дней тому назад частями Красной Армии полностью разгромлен мотопехотный полк «Великая Германия», входивший в состав дивизии особых отрядов «СС». В боях с Красной Армией полк потерял более 2 000 солдат и офицеров убитыми и ранеными и несколько сот пленными, 30 легких пулеметов, 12 станковых пулеметов, 11 орудий различных калибров, 14 противотанковых орудий, много автомашин и боеприпасов. Следует отметить, что полк «Великая Германия» высоко ценился Гитлером. Полк сформирован в 1940 г. из бывшего берлинского караульного полка, охранявшего важнейшие правительственные учреждения Германии и фашистской партии. В полк отбирались люди ростом не ниже 170 сантиметров, политически «благонадежные», проявившие себя как преданные фанатики фашизма.

(От Советского информбюро, 30 июля 1941)

Боец Саркисян

Во время боя тяжело ранило пулеметчика из подразделения, на фланге которого сражался красноармеец-коммунист Саркисян. Наступал вечер, но пулеметная и ружейная стрельба не прекращалась. Враг окружал бойцов. Подразделению было приказано занять новый рубеж и организовать отпор противнику.

Саркисян, ведя жестокий огонь, не заметил отхода товарищей и оказался в окружении. Румыно-немецкие солдаты приближались к пункту, где он оборонялся. Требовалось немедленно отойти. Но как быть с раненым пулеметчиком? Саркисян взял его себе на плечи и ползком оттащил в овраг. Там, наскоро перевязав пулеметчику рану, он сказал ему:

— Уходи быстрее в тыл, а я прикрою твой отход.

Едва пулеметчик скрылся в лесу, как по оврагу начал бить станковый пулемет противника. Не было никакой возможности не только идти, но даже встать. Кромка канавы, в которой лежал Саркисян, то и дело крошилась от пуль. «Умру, но в плен не возьмут!» — сказал себе Саркисян и прекратил огонь. «Пусть враг подумает, что я погиб, — решил он, — и выйдет на открытое место».

Расчет т. Саркисяна оправдался. Одиннадцать солдат с офицером поднялись из пшеницы.

Рука бойца крепко сжимала автомат. Немецкий офицер шел, озираясь по сторонам. За ним толпою — солдаты. Подпустив их на несколько шагов, Саркисян открыл огонь из автомата. После первой же очереди офицер полетел наземь. Вторая очередь скосила его подручных. Все фашисты были истреблены.

Отважный боец вышел из засады, забрал станковый и ручной пулеметы врага и под сильным огнем доставил трофеи на командный пункт части.

С. Галышев

(«Известия», 30 июля 1941)

Четыре товарища

Это был дружный экипаж. Командир танка лейтенант Бровцын и механик-водитель Северин крепко любили заряжающего — весельчака Финкельштейна и башенного истрелка — медлительного Щербину. Те в свою очередь платили им полной взаимностью. Дружба этих четырех людей была скреплена в непрерывных боях, общей трудной работой, совместным отдыхом и по-мужски нежной помощью друг другу.

У далекого леса сверкнуло пламя. Это была батарея противника.

Мигом захлопнулся люк. Позиция выгодна, батарея видна — огонь! И снаряд за снарядом стал подавать Финкельштейн Щербине. Все реже случался недолет или перелет. Одно за другим замолкали вражеские орудия.

— Давай, Сеня, давай!

Танк переменил позицию, потому что разорвавшийся рядом с ним снаряд был уже послан крупнокалиберной пушкой. И все так же четко подавал снаряды Финкельштейн, все так же метко истрелял Щербина.

Громовой разрыв потряс огромное туловище танка. На минуту Бровцын потерял сознание, но мигом очнулся от резкой боли в руке. Одна-

ко не это его испугало. И Финкельштейн и Щербина застыли около стальных стенок ганка в каких-то неестественных позах. Неужели убиты?

— Друзья! Родные мои! Что с вами?

Ответа не последовало. Вглядевшись в их лица, лейтенант вздрогнул от ужаса и горя:

— Сеня, что с тобой? Щербина, что с тобой?

Обе руки каждого из них были прижаты к глазам. Сквозь пальцы проступала кровь.

— Ничего не вижу,— прошептал Финкельштейн.

— Ничего не вижу,— медленно проговорил Щербина.

Надо было двигаться вперед, надо было спасти товарищей и машину. Но еще более необходимо было стрелять, стрелять и стрелять, чтобы суметь выйти из боя.

— Сеня,— дрожащим голосом сказал Бровцын,— сможешь ли ты передавать снаряды?

— Смогу...— прошептал заряжающий, и, поднявшись на ноги, советский человек, завязав невидящие глаза платком, ощупью нашел снаряд и поднял вверх. Ожил бронированный гигант. Снаряд — выстрел, снаряд — выстрел. Вперед, к своим, не переставая поражать врага!

Через два километра пути новый снаряд, пущенный из крупнокалиберного орудия, попал в пушку танка. Следующий снаряд прорвал гусеницу. Остаться в танке было бессмысленно.

Медленно вывели Бровцын и Северин своих товарищей на дорогу. Надвигавшиеся сумерки могли спасти всех.

Но далеко идти раненые не могли. Будь что будет! Бровцын уложил Финкельштейна и Щербину в кювет, лег за пулеметом рядом с Севериным и решил защищать жизнь героев до конца.

Оглянувшись Бровцын, и сердце его замерло. Не сговариваясь друг с другом, не видя ничего перед собой, Финкельштейн и Щербина вытащили свои наганы и уставили их дула в ту сторону, откуда ожидалось нападение врага.

Через полчаса всех четверых героев подобрал танк их однопольчанина Елина.

А. Безыменский

(«Правда», 1 августа 1941)

Случай на станции Э.

Старший лейтенант Целоухов был краток. Вот его рассказ:

— Я ехал в санитарном поезде. Остановились на станции Э. Над нами появился вражеский самолет. Низко прошел над составом поезда. Я схватил винтовку, залег возле железнодорожного полотна. Посмотрел на оперение самолета, вижу — белофинн. Налетчик швырнул бомбу. Меня всего обдало грязью. Несколько бойцов и я открыли огонь из винтовок. Стреляли бронебойными и зажигательными пулями.

Не успел вражеский самолет сделать очередной заход, как раздался оглушительный взрыв. Напавший на санитарный поезд стервятник распался на куски и рухнул на землю. Одна из наших пуль, повидимому, попала в бомбу, приготовленную к сбрасыванию.

М. Качалов, Б. Лихарев

(«Правда», 1 августа 1941)

Красноармейцы-разведчики во главе с лейтенантом Татарниковым, пробравшись в тыл врага, наткнулись на фашистскую батарею. Немедленно,

атаковав немецких артиллеристов, наши бойцы уничтожили прислугу двух орудийных расчетов вместе с офицером и взяли в плен несколько солдат. Направив пушки против немецкой пехоты, лейтенант Татарников выпустил по врагу все захваченные германские снаряды. Когда боеприпасы были израсходованы, бойцы взорвали пушки и вернулись в свою часть.

(От Советского информбюро, 4 августа 1941)

Связной Олейников выполняет приказание

В тыл взвода лейтенанта Кобелева пробирались восемь вражеских автоматчиков. Кобелев, стараясь как можно скорее прорваться к намеченной высоте, этого не заметил. Густая рожь скрывала пробиравшихся врагов, они могли идти почти не сгибаясь. Но им не удалось ускользнуть от наблюдателя на командном пункте роты.

Командир роты приказал связному Олейникову пробраться к переднему краю первого взвода и предупредить лейтенанта Кобелева о надвигающейся опасности.

Олейников отправился выполнить приказание своего командира. Сноровка опытного бойца помогла ему пробраться до дороги. Он успел наметить удобное место для перебежки, как вдруг из ржи, стоящей ровной высокой стеной, появились немецкие автоматчики... Один, второй, третий...

Олейников упал в канаву, быстро зарядил свои гранаты и замер. Малейшее движение могло его обнаружить.

Через минуту враги были уже в 50 шагах от

него. Тогда он метнул гранату и снова упал в канаву. Раздался взрыв. Олейников видел, как высоко подскочил и упал один из автоматчиков. Невдалеке столбом земли подбросило пилотку второго, третий не шелохнулся. Но сразу же застрочили остальные автоматчики. Связной видел, как пули взметали пыль прямо над его головой. Тогда он стал переползать, стараясь плотнее прилечь к глинистому дну канавы, будто намереваясь совершенно с ней слиться. Мало-помалу он вышел из зоны обстрела. Автоматчики поняли, что потеряли его, и пули их стали ложиться вдоль рва. Но, подойдя совсем близко к ним, Олейников поднялся во весь рост и в тот же миг метнул в сторону врагов вторую гранату. Двое врагов были убиты, остальные пустились бежать.

Позже командир взвода Кобелев, улыбаясь, рассказывал:

— Приходит, понимаете, и докладывает. Так, мол, и так — командир роты приказал уничтожить в тылу автоматчиков.

— Где же они? — спрашиваю. А сам, по правде говоря, даже волнуясь.

— Так что, — говорит, — я приказание уже выполнил. Автоматчиков собственноручно уничтожил.

А сам стоит весь в грязи, потный и даже как будто смущается.

С. Головановский

(«Правда», 5 августа 1941)

Сын

Он по несколько раз с горящими глазами перечитывал письма отца с финского фронта.

Володя гордился отцом. Он рассказывал всем ребятам в школе о том, как красноармейцы бьют

белофиннов, и авторитет его и в школе, и в отряде возрос необычайно; и на его белокурую голову ложился отсвет славы его отца.

В один зимний день пришел почтальон. Володя бросился к нему. Давно не было писем с фронта. Почтальон подал ему конверт необычной формы, странно посмотрел на мальчика, ласково погладил по голове и быстро ушел, не сказав ни слова.

Все это не предвещало ничего хорошего. Мамы не было дома, и Володя до самого ее прихода не решался вскрыть странный конверт. Так и застала его мать заснувшим на подоконнике, с вытянутым грустным личиком. Конверт был крепко зажат в руке.

Командование сообщало, что «лейтенант Илья Арсентьевич Козырев погиб смертью храбрых за Родину».

Когда началась война с немцами, Володе только что исполнилось 14 лет. Он отдыхал в пограничной деревне у тети с сестренкой Зиной, купался, ездил верхом. Но каждый вечер бегал в сельсовет за газетами. С дружкой Женьей Яковлевым и седым пастухом Фролом Игнатьевичем они усаживались на завалинке и долго обсуждали сложные международные вопросы.

Фрол Игнатьевич сказал им, что в лесу расположились красноармейцы. Вот они и понесли бойцам две кринки молока и два каравай хлеба. В лесу их встретил политрук. Поблагодарил за молоко и хлеб, внимательно выслушал просьбу: принять их в армию, чтобы бить фашистов.

— Нет,— сказал политрук,— принять вас в армию нельзя, вы еще малы. Но помогать красноармейцам вы можете.

С этого дня началась боевая жизнь Володи Козырева.

Он встретил в лесу партизанский отряд под начальством одного коммуниста из района. В отряде ему и Жене дали настоящие винтовки и по 20 патронов. Ребята выполняли роль отрядных разведчиков.

Вскоре Володя стал уже заправским бойцом и достал даже две гранаты, которые носил у пояса.

В одном из походов он потерял своего друга Женьку Яковлева и очень горевал. Но начальник разведки старший лейтенант Жданов взял его к себе. Володя полюбил его, как старшего брата, и не расставался с ним. Ходил с ним в самые опасные разведки. Бойцы-разведчики очень привязались к белокурому синеглазому мальчику. Так он и остался среди них — сын разведроты.

Когда несколько бойцов отстали от своей части и были отрезаны немцами, Володька получил особое задание. Он проник знакомыми тропками в тыл к немцам и вывел бойцов к своим.

Тут уже сам полковник обнял Володьку, выразил ему благодарность и сказал, что он достойный сын своего отца. Это было высшей похвалой для Володи.

И вот полк, в котором теперь состоял Володька, пошел в наступление. Перед полком шла разведка во главе со Ждановым. И в разведке, конечно, наш Володя. Володя направился, как всегда, прямо в тыл к немцам.

Вернулся ночью. В лесу было страшновато. И сильно билось сердце. Но он был бойцом и разведчиком. Ему нельзя было бояться! К Жданову добрался Володя благополучно.

Старший лейтенант был очень доволен ре-

зультатами разведки и тут же сообщил о них полковнику.

А наутро передовая рота пошла в атаку. Жданов категорически запретил Володе идти в бой.

— Твое дело разведка,— сказал он ему,— очень большое и важное дело. Мы не можем рисковать тобой. Если что с тобой случится — полковник с меня голову снимет. Да я и сам... — Жданов оборвал фразу и опять как-то странно посмотрел на Володю.

Володя обещал не ходить в атаку.

И не выполнил обещания. Он бросился в бой вместе со всеми бойцами. Он взял бутылку с горючей жидкостью и бросил ее в фашистский танк. Он стрелял из винтовки и сам видел, как от его выстрела упал толстый фашист. И он вместе со всеми бойцами ворвался в деревню.

Он знал, Володя: если бы его отец смотрел на него сейчас, он был бы доволен своим сыном.

Ал. Исбах

(«Правда», 6 августа 1941)

Командир группы советских пикировщиков капитан Морковкин при налете на порт Констанцу получил задание разбомбить пловучий док вместе с находящимся в нем румынским эсминцем.

Полет проходил точно по намеченному плану. Вся группа пикировщиков умело избежала надводных наблюдателей, которые могли бы предупредить зенитные батареи и истребителей.

Уже в то время, когда до цели оставались считанные секунды, вражеские зенитки открыли огонь.

— Опоздали,— усмехнулся т. Морковкин.

Первые облачка разрывов зенитных снарядов показались внизу под самолетом на значительном расстоянии. Но с каждым залпом они поднимались все выше и выше.

— Скоро бросаю бомбы,— доложил штурман т. Аганесов.

Точно в срок он нажал кнопку бомбосбрасывателя. Прямо в пловучий док полетели тяжелые бомбы. Вслед за ведущим сбросили бомбы и другие самолеты. Результаты бомбометания были сфотографированы.

Самолеты развернулись на обратный курс. Внизу под ними горел корабль.

— Хорошо сработано,— доложил штурман капитану.— Цель накрыта в самую точку.

Группа капитана Морковкина благополучно миновала огонь вражеских зениток.

— Вижу фашистский истребитель,— докладывает стрелок-радист т. Лотов.

Через некоторое время он снова сообщает:

— Тянется, старается изо всех сил.

Но скорость советских пикировщиков оказалась не по плечу немецким истребителям:

— Отстает,— доложил в последний раз стрелок-радист.

В полной сохранности капитан Морковкин привел на родной аэродром все свои машины.

(«Известия», 6 августа 1941)

Героическая смерть лейтенанта Степанова

Эскадрилья советских бомбардировщиков выполняла боевую задачу. Ей было приказано бросить бомбы на мотомехколонну противника.

Когда самолеты были над целью, вражеские зенитки открыли интенсивный огонь. Одновременно на 9 отважных советских бомбардировщиков налетели фашистские истребители.

Советские летчики приняли воздушный бой. Упорно пробивалась советская эскадрилья к цели и сбросила бомбы на мотомехколонну врага.

Беспримерную отвагу и геройство проявил экипаж бомбардировщика в составе коммуниста лейтенанта Степанова, штурмана лейтенанта Поликарпова и стрелка-радиста Старицина. Вражеский снаряд подбил самолет. Он загорелся в воздухе. Лейтенант Степанов подобно капитану Гастелло, удостоенному звания Героя Советского Союза, направил свой горящий самолет на колонну танков врага. Горящий бомбардировщик врезался в самую гущу врага, нанеся ему серьезные потери.

Слава отважному экипажу, погибшему смертью героев, но с честью выполнившему свою боевую задачу!

(«Известия», 7 августа 1941)

Храбрый, находчивый разведчик

Случилось так, что сержант Коломиец, потеряв в разведке двух своих товарищей, оказался в окружении врагов. Полсотни фашистов решили захватить его живьем.

Как быть? Коломиец искал выхода из тяжелого положения. В магазинной коробке патронов не было. Оставалась только одна граната.

Коломиец быстро расстегнул эбшлаг гимнастерки, спрятал гранату в рукав и поднял руки. Он хотел для виду крикнуть «сдаюсь», но губы

его только беззвучно пошевелились: не в силах боец Красной Армии произнести это позорное слово.

Тяжело дыша, 20 фашистов одновременно подбежали к Коломийцу. Отважный сержант стремительно бросил гранату. Земля заколебалась, а Коломиец уже не слышал взрыва гранаты.

Коломиец остался жив. Очнулся он от жгучей боли. Немецкий офицер приводил его в чувство — хлестал саблей плашмя. Сержант собрал силы. Снова заработало сознание. Коломиец тихо пробормотал: «Наклонитесь ко мне, я вам скажу, где расположена наша часть...»

Офицер нагнулся к Коломийцу. Это и нужно было находчивому сержанту. Сильным ударом в живот он сбил офицера с ног и вырвал у него пистолет. Первую пулю он пустил в физиономию фашиста.

И вот в это время застрочил пулемет. Это пришли на помощь бесстрашному разведчику его боевые товарищи. Не выдержали фашисты яростной штыковой красноармейской атаки. Тридцать два немецких солдата нашли свою могилу на нашей земле.

Сержант И. Даманди
(«Комсомольская правда», 7 августа 1941)

Как я протаранил фашистский самолет

Таран — самый смелый и решительный вид воздушного боя — очень популярен среди советских летчиков. Не в их правилах отпускать врага невредимым. Случается, что использованы все боевые средства, нет больше горючего, не

остается ничего, кроме человека и машины,— и все же враг не должен уйти. Его необходимо уничтожить, хотя бы ценою собственной жизни.

В ночь на 7 августа, когда фашистские бомбардировщики пытались прорваться к Москве, я по приказу командования поднялся в воздух на своем истребителе.

Зайдя со стороны луны, я стал выискивать самолеты противника и на высоте 4 800 метров увидел «Хейнкель-111». Он летел надо мною и направлялся к Москве. Я зашел ему в хвост и атаковал.

Мне удалось подбить правый мотор бомбардировщика. Враг резко развернулся, изменил курс и со снижением полетел обратно. Я продолжал атаки,— повторил их до шести раз. При этом мой ястребок оставался недосыгаемым для врага; меня прикрывал его же стабилизатор.

Вместе с противником я снизился до высоты примерно в 2 500 метров. И тут у меня кончились боеприпасы. Можно было преследовать врага и дальше, но что толку? Он на одном моторе мог лететь еще довольно долго и все равно ушел бы. Оставалось одно — таранить. «Если и погибну, так один,— подумал я,— а фашистов в бомбардировщике четверо».

Решив винтом обрубить противнику хвост, я стал вплотную подбираться к нему. Вот нас разделяют уже каких-нибудь 9—10 метров. Я вижу бронированное брюхо вражеского самолета.

В это время враг пустил очередь из крупнокалиберного пулемета. Обожгло правую руку. Сразу дал газ и уже не винтом, а всей своей машиной протаранил противника.

Раздался страшный треск. Мой ястребок перевернулся вверх колесами. Надо было поскорее выбрасываться с парашютом.

Отстегнул ремень, поджал ноги, ползком добрался до отверстия и выбросился. Примерно 800 метров летел затяжным прыжком. И только когда в стороне услышал гул от падения моего ястребка,— я раскрыл парашют.

Взглянув вверх, я увидел, как все больше воспламеняется вражеский бомбардировщик, как он, наконец, взорвался и рухнул вниз.

Опустился я на небольшое озеро, выбрался на берег. Вскоре подбежали три колхозника, а потом, наверное, и весь колхоз собрался около меня,— так много было народу.

Тут же перевязали мне руку. Отвели в дом, переодели, дали валенки, чтобы я мог согреться, напоили молоком. На лошади отправили в часть.

Потом я в автомобиле поехал посмотреть на сбитый бомбардировщик. Он еще горел. Кругом валялось много невоспламенившихся зажигательных бомб. Метрах в ста от самолета нашли двух членов его экипажа. Двое других были найдены в лесу. Самолет рухнул с такой силой, что их выбросило далеко из него.

Командир вражеской машины, по виду уже немолодой, имел железный крест, полученный в 1939 году, и значок «За Нарвик».

У одного из фашистов, повидимому, стрелка, навывлет прострелена шея.

Все четверо очень плохо одеты.

Я надеюсь, что самолет, сбитый в ночь на 7 августа, далеко не последний в моем послужном списке. Рука скоро заживет.

Младший лейтенант В. Талалихин

(«Известия», 8 августа 1941)

Как была разгромлена дивизия «Мертвая голова»

Вчера Советское информбюро сообщало о том, что часть полковника Тишинского разгромила одну из немецких дивизий «СС», носившую громкое название — дивизия «Мертвая голова» («Тоденкопфе дивизион»).

Вот как это произошло.

Рано утром лейтенант Савельев с группой бойцов ушел в разведку. Заслышав голоса немецких солдат, бойцы укрылись в высокой ржи. Скоро появились разведчики противника. Поднявшись из засады, бойцы бросились на врага. Несколько человек было убито, часть разбежалась, а один сдался в плен.

На допросе пленный ефрейтор Людвиг Штиммлер рассказал, что дивизия, только накануне прибывшая на фронт, до сих пор не принимала участия в боях с Красной Армией. Вся она сформирована из охранных отрядов нацистской партии — «СС». Дивизия участвовала в боях во Франции и Греции и предназначалась для решающего удара на одном из главных направлений восточного фронта. Ефрейтор сообщил, что дивизия «Мертвая голова» настроена весьма воинственно: состоит она из двух пехотных и одного артиллерийского полков и готовится к наступлению.

Действительно, вскоре разведка донесла, что в долине, за перелеском, накапливается батальон вражеской пехоты. Полковник Тишинский приказал артиллеристам открыть огонь по сосредоточению противника. Через несколько минут артиллеристы с наблюдательного пункта увидели, как в воздух летели разбитые мотоциклы, пулеметы, разорванные тела немецких солдат, рва-

лись ящики со снарядами. Однако огневой налет не протрезвил немцев.

Спустя час передовые посты заметили, как с левого фланга, из-за леса, начали развертываться колонны наступающих немцев. В полный рост, с папиросами в зубах, густыми цепями, с автоматами, лихо шли в атаку пьяные немцы. Они двигались серо-зелеными волнами, поддерживаемые танками, минометным и артиллерийским огнем.

Бойцы хладнокровно ждали. Вот уже отчетливо видны фигуры солдат, одетых в шинели, видны лица, видны эмблемы смерти на черных петлицах.

— Огонь!

Ураган огня взметнулся навстречу фашистским цепям. Он продолжался полчаса. А когда рассеялся дым и улеглась пыль, бойцы увидели поле боя, усеянное трупами. Остатки «мертвых голов» были далеко. Ползком, пригибаясь к траве, потеряв хвастливый вид, редкие группки фашистов укрывались в кустах, в ложине, за лесом. Около них с револьверами в руках бегали офицеры, указывали в сторону наших позиций. Но солдаты с черепами на петлицах уходили все дальше.

Прошел час. Получив новые подкрепления, «батальоны смерти» снова пошли в атаку. И снова под губительным огнем наших бойцов таяли и рассеивались цепи фашистов. Из лесу на смену им катились все новые волны. В разгар атаки над полем боя появились краснозвездные скоростные бомбардировщики. Стена огня накрыла наступающие цепи.

Еще рвались бомбы, когда в контратаку бросились советские бойцы. На правом участке в бой их вел овеянный славой капитан Краснов

(однофамилец Героя Советского Союза). Рядом с командиром, оберегая его жизнь, дрался красноармеец Федор Иванович Диков. Он первым поднялся по зову командира, а следом за ними бросились все роты. Пятнадцать германских солдат уничтожил Диков штыком и прикладом.

В этом бою смертью храбрых погиб безымянный герой-минометчик. Боец остался один у своего миномета. Несколько раз он подносил мины, расстреливал их и снова ходил за боеприпасами. В последний раз пошел герой за минами, а когда возвратился, увидел, что его миномет окружен десятком немцев. Фашисты бросились на бойца. Тогда герой-минометчик схватил мину, ударил ее о камень. Вместе с ним погибли и все окружившие его враги.

Вторая жесточайшая атака фашистов была отбита. Солнце клонилось к западу. И еще раз в этот день пошли в атаку батальоны «мертвых голов». Опять подошли они к советским позициям, и снова капитан Николай Ефимович Краснов повел своих бойцов в штыковую атаку. Недаром бойцы прозвали своего командира «мастером штыковых атак». Два дня назад он отразил в полуокружении 13 яростных атак немцев и 8 раз водил свою часть в контратаку.

Вражеская пуля пронзила командира. Но Краснов, разгоряченный боем, рвался вперед. Бойцы, спасая раненого командира, увели его в безопасное место. Уходя с поля сражения, капитан кричал им:

— Бойцы, крушите, добивайте врага!

И бойцы откликнулись на призыв. Силы фашистов были надломлены. Остатки дивизии немцы пытались вывезти на машинах в тыл. Но наши артиллеристы нащупали уходящую колонну,

уничтожили еще 20 машин, переполненных солдатами и офицерами.

Так закончились атаки дивизии «Мертвая голова», состоявшей из отборных фашистских голсворезов. Как сообщало Советское информбюро эта дивизия, по уточненным данным, «потеряла до 2 500 солдат и офицеров убитыми и ранеными. Огнем нашей артиллерии и минометов уничтожено 30 немецких легких танков и бронемашин 80 мотоциклов, около 500 автоматов, 90 легких и тяжелых пулеметов и 45 минометов».

Ю. Корольков

(«Правда», 8 августа 1941)

Как был разрушен Черноводский мост

11 и 13 августа Советское информбюро сообщило о том, что наша авиация бомбила крупнейший железнодорожный мост Черноводы на реке Дунай. Мост разрушен. Операцией руководил дважды орденоседец капитан Шубиков.

Вот что рассказывают некоторые летчики, участвовавшие в этой операции:

— С большим подъемом встретил наш экипаж почетное задание,— говорит лейтенант Н. С. Большаков.— Это был мой седьмой боевой вылет. До этого мне доводилось бомбить морскую базу в Сулине, аэродром истребительной авиации Мамай, нефтепромышленные районы Плоешти, летать на Констанцу.

Наша шестерка бомбардировщиков вылетела точно в указанное время. Звено, в котором я летел, вел старший лейтенант тов. Ковалев.

Мы пересекли море и пошли над территорией Румынии. Черноводский мост был виден хорошо

Вот и цель. Штурманы сбросили бомбы. Все мы отчетливо различили сильнейшие взрывы.

Пролетев дальше, ведущий развернулся. По самолетам начали бить вражеские зенитные батареи. Стреляли они очень плохо: все снаряды разрывались сзади.

На обратном курсе мы увидели пожар на мосту и дым, стелющийся по широкой реке. Очевидно, наши бомбы попали в нефтепровод, идущий под нижним настилом моста, или в нефтеперегонный завод, расположенный рядом.

Штурман лейтенант Н. И. Журавлев рассказывает:

— Наш экипаж стартовал под вечер. Щедро светило солнце. Погода благоприятствовала полету. Перед закатом показались румынские берега. Наступала ночь. Батареи и пункты противовоздушной обороны румын и немцев нас не заметили не только на подходах к берегу, но и во время полета над вражеской территорией.

— До моста три с половиной минуты полета, — передал я летчику лейтенанту В. С. Евдокимову, а сам подготовился к бомбометанию.

Луна отчетливо освещала переплеты моста, стоящего на хорошо заметном изгибе Дуная. Внизу показались вспышки. Очевидно, нас заметила зенитная артиллерия. Но мне некогда было следить за ней. Сделав точные расчеты, я сбросил бомбы. Евдокимов прибавил скорость и начал разворачиваться. Во время разворота я увидел разрывы сброшенных нами бомб. Взрывавшись, они осветили центральные пролеты моста, а затем река снова погрузилась во тьму.

Летчик лейтенант К. А. Попков рассказывает: — Наш экипаж 15 раз бомбил военные объекты Румынии. Мы участвовали в бомбардировке Констанцы, Плоешти и других пунктов. Получив задание разрушить Черноводский мост, мы быстро подготовились к операции. Полет был сложным, его предстояло произвести ночью.

Весь маршрут над морем протекал нормально. Выйдя на контрольные ориентиры и оставив в стороне знакомую Констанцу, мы набрали большую высоту и вышли к мосту.

Светила луна. Впереди виднелась узкая полоска моста; казалось, кто-то перечеркнул реку карандашом. В стороне от нас блеснули разрывы зенитных снарядов.

Я вел самолет строго по курсу, чтобы обеспечить штурману наилучшие условия для бомбометания. Вот машина вздрогнула, и я догадался, что штурман сбросил бомбы. Мне некогда было смотреть на разрывы внизу: нужно было быстрее уходить от опасного соседства с прожекторами и зенитками. Но через минуту штурман самолета лейтенант Ключкин и стрелок-радист Смирнов доложили мне, что разрывы накрыли цель.

Задание командования выполнено полностью. Черноводский мост разрушен. Одна 140-метровая ферма почти целиком рухнула в реку.

Все самолеты, участвовавшие в этой операции, сейчас летают на бомбометание других вражеских военных объектов.

Л. Коробов

(«Правда», 14 августа 1941)